

Йоав Блум

Я всегда остаюсь собой

Серия «Большой роман»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67774424

Йоав Блум. Я всегда остаюсь собой: Иностранка, Азбука-Аттикус;

Москва; 2022

ISBN 978-5-389-21130-8

Аннотация

«Я вынужден смотреть на все только своими глазами». Его зовут Дан Арбель, и он живет в мире, который никогда не будет прежним. Гениальное изобретение изменило этот мир навсегда. Ни один человек больше не привязан к своему телу. Простым нажатием кнопки он может оказаться в теле другого. Нет необходимости лететь в Таиланд – достаточно обменяться телами с тем, кто отдыхает на тайском пляже. Необязательно объяснять врачу свои симптомы: врач может на несколько секунд оказаться в вашем теле и узнать все, что нужно. Бесполезно тратить время на фитнес, куда удобнее одолжить свое тело тренеру.

Мир никогда не будет прежним, однако Дана Арбеля это не касается. Он – единственный в мире человек, неспособный меняться телами. Что это – врожденный порок, божественное благословение или ужасное проклятие?

Запутанный клубок сюжетных линий начинает свое вращение в тот момент, когда на глазах у Дана от пули снайпера погибает женщина, успевшая сказать, что она – возлюбленная его юных лет, застрявшая в чужом теле. Теперь Дан должен выяснить подлинную личность убитой, спасти собственную жизнь, поймать убийцу, а главное – раскрыть тайну своего уникального дара.

Роман Йоава Блума «Я всегда остаюсь собой» получил одну из самых престижных литературных премий Израиля – премию Геффена.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая

7

Конец ознакомительного фрагмента.

128

Йоав Блум

Я всегда остаюсь собой

Yoav Blum

THE UNSWITCHABLE

Copyright © 2017 by Yoav Blum

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Л. Полян, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Чтобы насладиться этой книгой сполна, необходимо прочитать ее второй раз. Впрочем, это касается всех книг Йоава Блума, в которых гармонично сочетаются вымысел, философия, романтика и детектив.

Газета «Макор ришон»

Тексты Блумма — это весело. Очень весело. Повествование льется, и вам хочется читать дальше и

далее.

Журнал «Шабат»

Вы всегда во временном пристанище, в каком бы теле ни находились.

Йоав Блум «Я всегда остаюсь с тобой»

Часть первая

1

Она с глубоким вздохом посмотрела на стакан воды, который держала в руке. Окно было открыто, заходящее солнце освещало ее со спины, высвечивая правое плечо.

Я посмотрел на нее и снова задался вопросом, можно ли верить ее рассказу.

Она дрожала, а может, мне только так казалось. Но что-то вдруг изменилось в воздухе. Она подняла взгляд, и я увидел, что в ее глазах появилось что-то, чего там не было мгновение назад. Решимость, нетерпение, даже паника.

– Дан? – спросила она.

Даже голос ее теперь звучал иначе. Так произносят твое имя, когда хотят сказать что-нибудь очень важное. Или когда в приступе амнезии забывают, кто ты. Я сделал ставку на первый вариант.

Она резко придвинулась ко мне – и теперь вся оказалась в закатных лучах. И только когда ее тело ударилось об пол, я понял, что звук, который раздался за полсекунды до того, был щелчком выстрела.

Я лихорадочно переводил взгляд между окном и полом.

Что, черт побери?..

Она лежала на полу с раной на затылке, откуда струйкой стекала кровь. Такое ведь никогда не происходит с нормальными людьми. Что, неужели снова?

Я спешно осмотрел дом напротив, окно за окном. Тут висит белье, там кондиционер, тут снова белье, здесь не хватает планки жалюзи, тут на стекле – наклейка со Снупи. А вот – он.

Черная рубашка, волосы с проседью, мощный подбородок – и нечто похожее на длинную снайперскую винтовку с прицелом. Наши взгляды встретились на мгновение, и тут его лицо снова скрылось за прицелом. Напуганный ребенок во мне остался было стоять, чтобы узнать, что тут, черт возьми, происходит, но через тысячную долю секунды ответственный взрослый велел телу броситься на пол.

Я рухнул на пол и, судорожно переводя дух, услышал, как надо мной пролетают две пули и попадают в стенку. Я дышал тяжело, почти задыхался. Оказывается, не такой уж я смелый, когда в меня стреляют. Что ж, каждый день можно узнать о себе что-нибудь новое. Прямо передо мной неподвижно лежала ее нога. Еще минуту назад то, что она рассказывала, казалось мне ерундой. Теперь стало очевидно, что дело обстояло еще хуже, чем она себе представляла.

Стрельба прекратилась. Снайпер то ли ушел, то ли затаился и ждет, пока я встану.

Я медленно отполз в сторону, лихорадочно дыша, как ста-

рый невротик. Наверное, от страха я несколько раз вскрикнул – вместо выдоха. Не судите строго. Вы не видели любимую женщину (ну хорошо, любимую в прошлом... или не любимую... скажем так: она вам достаточно нравилась, чтобы начать встречаться и строить планы, но тут вдруг раз – и все рухнуло к чертовой матери) с пулей в затылке.

Почувствовав себя на безопасном расстоянии, я медленно приподнял голову и стал искать окно, из которого стрелял снайпер.

Снайпера там уже не было. Винтовка все еще лежала на подоконнике, но сам он исчез. У меня промелькнула мысль, что я отполз недостаточно далеко, раз могу видеть винтовку, но я не дал этой мысли ходу.

И снова лег на пол.

Уже три недели я не убирал квартиру – мимо моего лица прокатился комок пыли и волос, словно перекаати-поле на пустынных улицах городов-призраков Дикого Запада за секунду до дуэли. Странно, что я об этом подумал в такой-то момент.

Я перевернулся на спину и глубоко вздохнул. И еще раз. И еще.

И последний раз.

Руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Оказывается, я в гневе.

Сукин сын. Я этого так не оставляю.

Я вскочил на ноги.

Кабинет, верхняя полка, синий ящик с документами. Там лежали пистолет и два магазина. Я не для того хожу в тир четыре раза в год, чтобы просто лежать на полу, как слизняк, когда в меня стреляют. У трóсов тоже иногда оказывается при себе пистолет. Если подумать – как раз именно у трóсов.

Дом напротив я хорошо знаю. Там два входа. Парадный – с улицы и черный – со стоянки.

Лестница. Каждый шаг – три ступеньки.

Ответственный взрослый заикнулся было, что надо позвонить в полицию, но пока дозвонишься туда – он смоеется. Тот седой черт не подозревает, что я могу побежать за ним. Он уверен, что дело сделано, и ему просто нужно исчезнуть, пока полиция не приехала. Не выйдет. Я поймаю его на стоянке.

Тяжело дыша, я бросился на улицу. Теперь я задыхаюсь, даже когда бегу вниз, не только когда поднимаюсь. Ох.

Правой рукой я крепко сжимал пистолет. Так крепко, как будто готов был его раздавить, и у меня мелькнула мысль – непростительно так отвлекаться от дела мести, – смогу ли я когда-нибудь выпустить пистолет из руки. Я побежал на стоянку. Ладони вспотели, и гнев, гнев бурлил во мне, в глубине живота. Она едва ступила на порог, а ты тут как тут, застрелил ее...

Добежав до стоянки, я перешел на шаг.

Он все еще здесь? Или я упустил его?

Нет, нет. Не упустил. Вот он. В синей «субару», которая

ехала прямо на меня.

Я встал на изготовку – или как там это называется. Когда стоишь, широко расставив ноги, руки с зажатым в них пистолетом вытянуты вперед, ноздри раздуваются, губы вытягиваются в нитку, а глаза превращаются в прицелы. Седой черт ехал мне навстречу, крепко держа руль и не отрывая взгляда от меня.

Он прибавил скорости и задал машине такую траекторию, что, если бы ее нарисовали на асфальте, линия прошла бы точно между моих ног. Он не собирался проезжать подо мной, естественно.

В голове у меня забегали миллионы гномиков с калькуляторами, они лихорадочно барабанили по кнопкам. Скорость, время, расстояние, скорость, время, расстояние. Он меня собьет. Не успеешь. Будь реалистом: сейчас, полный адреналина, ты едва ли попадешь точно в цель. Быстрый расчет, и я понял, что делать. Ответственный взрослый снова стал распоряжаться, и я повалился на асфальт. Вскрикнул от боли – и увидел, как «субару» промчалась мимо меня.

Это не конец.

Я вскочил на ноги, провожая ее взглядом. Снова встал на изготовку: вытянуть руки вперед, дышать как следует, надавить на спусковой крючок, не нажимать, медленно давить, смотреть туда же, куда направлен ствол, целиться по колесам.

Выстрел. Второй. Третий.

Вдох.

Четвертый.

Я взгляделся: попал или нет?

С одной стороны, точно нет. Скорее всего, не попал даже близко.

С другой стороны, «субару» все набирала и набирала скорость, заехала на тротуар и вцепилась в стену, с грохотом, который сотряс все здание. И взорвалась.

Тут я вижу и свою заслугу. Скажем так: мои пули вывели водителя из себя.

Но вообще-то, я начал рассказывать всю эту историю совсем не с того.

Попробуем еще раз.

2

В том, чем я сейчас занимаюсь, мало что так согревает душу, как махровая безвкусица, с которой обставлена гостиная в этом тщательно отделанном доме. Отделанном чудовищно, но зато старательно.

Лично я равнодушен, например, к рычащим головам мертвых леопардов на стенах, но в этой любви богачей к чулам содержится некая истина: с большой долей вероятности привычка сорить деньгами и изощренный расчет идут рука об руку.

Другим – столь же точным – свидетельством тому может быть экспрессионистская живопись. Разумеется, оригиналы, мы же не опустимся до меньшего, – на достаточно видном месте, чтобы все сказать о хозяине дома (если вкратце: «Здесь живет человек, который может позволить себе эту картину. А ты? Ты можешь? Так я и думал»).

А третьим – огромный рояль, продавливающий ковер: его крышку никогда еще не поднимали. Хозяин дома даже не умеет играть. Может быть, на ближайшей вечеринке он попросит поиграть кого-нибудь из гостей.

В доме Далии Бар-Фехтман были все три свидетельства. Были, к счастью, и другие.

По сторонам от меня на стенах висели: справа – голова уссурийского тигра, которому один раз крупно не повезло (но воинственности он не растерял), а слева – голова лося с огромными рогами и трогательным взглядом, который выглядел так, будто хотел забраться в постель, накрыться одеялом и читать «Ешь, борись, спаривайся»¹.

У двери, в самом темном месте, висел Кандинский – оригинал, конечно. (Я о картине. Сам Кандинский похоронен во Франции. Если бы он висел тут в гостиной, никакое предложение работы не задержало бы меня.)

И разумеется, у огромного окна, там, где акустика хуже всего, стоял невероятных размеров белый рояль с золотой – да, золотой – окантовкой.

¹ Аллюзия на книгу Э. Гилберт «Ешь, молись, люби». – *Примеч. перев.*

Еще вышитые подушки, белая печь (сжигать дрова, а вы что подумали?), кофейный столик – целиком из хрусталя, который буквально вопиет: «Давай, давай сшиби меня. Я такой прозрачный, что мои контуры заметить невозможно. Упав и сломай меня. Ну, или, на худой конец, сломай об меня мизинец на ноге». Вот все, что вам нужно знать о финансовом положении мадам Бар-Фехтман, и то, что она хочет, чтобы вы о нем думали.

Предыдущая версия Далии Бар-Фехтман, Далия Гева, была моделью с очень небольшим словарным запасом и привычкой постоянно попадать в дурацкие ситуации, что сделало ее любимой мишенью папарацци. Переход от первого образа ко второму происходил постепенно, путь пролегал через три замужества. Все трое избранников обладали глубокими карманами и слабостью к импульсивным блондинкам. Разумеется, никого из своих мужей Бар-Фехтман не убивала. Не приведи господь обвинить ее в чем бы то ни было подобном. Она просто виртуозно использовала две свои основные способности: способность быстро нравиться состоятельным мужчинам и еще быстрее надоедать им.

Три развода, семь инвестиций в недвижимость – и Бар-Фехтман доказала всем, кто сомневался в ней прежде, что даже если ты не окончила школу, забеременела в шестнадцать и сделала аборт, если тебя уволили с четырех мест работы, а юный ревнивец развесил твои фотографии в неглиже

на каждом столбе в районе, то нужен всего один звонок от скользкого агента модельного бизнеса, который увидел эти фотографии, – и дело в шляпе. Если ты правильно расправишься картами, которые тебе сдали, у тебя будет собственный дом, самый дорогой в радиусе четырехсот километров.

Бар-Фехтман была занятым человеком.

Теперь, когда она достигла своей основной цели – доказать всем, что она не хуже других, и разбогатеть, несмотря ни на что, – она наконец могла предаться занятиям, в которые с увлечением погружаются богатые люди, чтобы отвлечься от своей тяжелой работы (может, цель все-таки была неверно выбрана?). Общественные мероприятия, благотворительность, поездки на горнолыжные курорты, участие в политике и покровительство многообещающим малоизвестным художникам. Многие обещания, которые никогда не будут сдержаны. Короче говоря, гонка достижений на новом уровне.

– Как, вам ничего не предложили выпить? – Бар-Фехтман вошла в комнату стремительной походкой, стуча каблуками по полу. Она была высокая и загорелая, ее белое платье – не обтягивающее и не слишком просторное – великолепно сидело на ней, какую бы позу она ни приняла.

– Не страшно, – ответил я, – мне ничего не нужно.

Она посмотрела на меня поверх своих огромных солнечных очков, потом приподняла подбородок и сдернула с рук белые перчатки.

– Эдди! – крикнула она. – Принеси, пожалуйста, две чашки чая с ромашкой.

Она положила перчатки на подлокотник дивана и села.

– Сколько сахара? – спросила она.

– Два.

– Темного или белого?

– Обычного. Спасибо.

– А покрепче?

– Что – покрепче?

– Добавить алкоголя на ваш выбор?

– Нет, спасибо. Мне нельзя терять концентрацию.

– Два пакетика сахара для господина!.. – Она крикнула в коридор и снова повернулась ко мне. – Простите, как вас зовут?

– Арбель, – ответил я.

– Да-да, точно, – сказала она. – Дан Арбель. Знаменитый курьер. – И прокричала в коридор: – Для господина Арбеля! Итак, вы пришли, чтобы поговорить о доставке груза.

– Да, госпожа.

– Называйте меня просто Далия.

– Да, Далия.

– Знаете, – пальцы ее рук симметрично задвигались в такт словам, – я ищу не просто курьера. У меня несколько очень ценных отправлений, в том числе ценных лично для меня, и мне нужно быть уверенной, что с ними будут обращаться крайне бережно и аккуратно.

Ну понятно, как обычно. У всех у вас страшно важные посылки, и к ним всегда нужен индивидуальный подход. Я знаю. Потому и работаю не почтальоном, а курьером по особым поручениям. Для этого я напечатал себе визитки с хитрым заковыристым шрифтом, сделал сайт и все такое.

– Я серьезно отношусь к своей работе, – сказал я. – И мой огромный опыт доказывает это.

– И вы дорого берете за свои услуги, как я слышала.

Но ведь вам именно это и нужно. Чтобы было подороже. Это дает вам ощущение, что вы покупаете особую услугу. То, что стоит денег, заслуживает этих денег, говорите вы. Но ведь это и для меня так же, разве нет?

Я улыбнулся, раскрыл сумку, которая лежала передо мной на полу, и начал свою привычную церемонию – показ документов.

– Разрешение от министерства транспорта, разрешение от министерства экономики, справка об отсутствии судимости, личная курьерская лицензия.

Следующая пачка документов: рекомендации от министерства обороны, снова – от министерства экономики, от руководства алмазной биржи, три рекомендательных письма из разных больниц, два – из разных отделов НАСА, личные рекомендации от профессора Эльякима Софтмана, от Михаила Топотаева, Доны Вудс, Альфонсо Пана.

И еще одна – похвальные отзывы. От ядерного агентства в Колорадо, от французского министерства экологии, от...

– Да-да, я поняла, – перебила она. – Можете больше не показывать документов.

– Ни разу не было такого, чтобы я потерял посылку, – сказал я. – И ни разу не опоздал. Никогда не оставлял посылки без присмотра.

Она сложила руки в замок (до чего длинные пальцы!) и несколько секунд на меня смотрела. Красивые глаза, слегка затуманившийся взгляд, который видит тебя насквозь – и в то же время вызывает желание защищать эту женщину. Теперь понятно, что находили в ней бывшие мужья.

– Пять посылок. Картонные коробочки размером десять на десять на пять, весом примерно по полкило. Раз в два месяца. Три нужно доставить из Монако, две – из Британии. Они должны быть всегда с вами, а если во время маршрута решите обменяться с кем-то – то только с тем, кто был рядом. Доставить мне посылки должны лично вы. Кроме того, иногда я буду просить вас отвозить одежду, украшения и некоторые вещи для моих тел за границей. Это не так секретно, но все равно важно для меня лично.

– Страховка?

– За ваш счет.

– Пошлины?

– Сделайте так, чтобы их не было.

– А если придется?

– Пусть не придется.

Я достал из сумки листок бумаги и ручку. Написал сумму,

сложил листок и положил на стол между нами.

Далия Бар-Фехтман нагнулась и взяла сложенный листок. За ее спиной в комнату вошел то ли помощник, то ли дворецкий – высокий, с усами, сама выдержка, лицо вещает в спектре частот между снобистской заносчивостью и стыдливым осознанием своего подневольного статуса. Обожаю таких. Если бы презрение было излучением, то на волнах, излучаемых «личными помощниками» в сторону гостей, можно было бы готовить попкорн. На маленьком посеребренном подносе он принес две чашки, поставил их перед Бар-Фехтман и передо мной, держа их за ручки большим и указательным пальцами, прямыми, как линейка.

Бар-Фехтман заглянула в листочек, снова сложила его и положила обратно на стол.

– Нет, – сказала она и резко встала. – Спасибо, что пришли, господин Арбель. Пожалуйста, допивайте чай – и уходите.

Я поднес чашку ко рту и отпил маленький глоток.

Интересно. Я не так представлял себе наш разговор, когда пришел сюда.

– Что вас не устраивает в цене? – спросил я.

Она подняла уголок губ в холодной улыбке:

– Вы спрашиваете, как будто мы все еще ведем переговоры.

– Разве нет?

– Нет. Я приняла решение.

Я в ней ошибся. Она умная, не манипулятор. Проницательная, а не просто везучая. Деньги могут ослепить и тех, кто на них смотрит, а не только тех, у кого они есть.

– Если так, то позвольте продемонстрировать вам, почему я беру так дорого, чтобы в следующий раз не пришлось ничего показывать.

– Вы исходите из предположения, что следующий раз наступит? – сказала она.

Но не сдвинулась с места.

– Можно попросить у вас браслет? – спросил я, оголяя запястье. – Свой я забыл дома.

– Лучше езжайте отсюда на такси, как и приехали.

– Нет-нет. Я просто хочу кое-что показать.

– Что показать?

Я повернулся к хладнокровному дворецкому:

– Ты не против, если мы поменяемся на пару минут? Я хочу кое-что показать госпоже Бар-Фехтман.

Конечно против. Меняться с таким простолюдином, как я? Он приподнял одну бровь и посмотрел на свою работадательницу.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Бар-Фехтман.

– Просто поменяться, а через минуту – поменяться обратно.

– И все?

– Да.

– Что это вам даст?

– Сейчас увидите.

Она кивнула дворецкому:

– Эдди.

Он молча развернулся и подошел к комоду в углу комнаты – за неимением лучшего слова назовем его *викторианским*. А где-то, наверное, сидит мастер и до сих пор считает купюры, которые ему заплатили за этого монстра, и из глаз его текут слезы счастья.

Эдди открыл один из ящичков и достал оттуда браслет. Тихо подошел и протянул его мне.

– Ты согласен, Эдди, ведь правда? – спросил я.

Он кивнул.

Я надел браслет на запястье левой руки.

– Можешь дать мне свой код? – спросил я у Эдди.

Он достал из внутреннего кармана листок бумаги и ручку и накорябал номер.

– А не разговариваешь ты из принципа, что ли?

– Три года назад Эдди принял обет молчания, – ответила Далия Бар-Фехтман.

– Путешествие на Восток, внезапное просветление?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Он не сказал. Просто замолчал – и все.

Под ее внимательным взглядом я ввел код.

И потом спросил:

– Готовы?

– Да, – ответила она.

– Ты принял мой запрос? – спросил я у Эдди.

– Да, он принял, – ответила она вместо него.

– Тогда поехали, – сказал я и нажал на кнопку.

Браслет на запястье Эдди стал пикать.

– О, здорово. У тебя модель со звуком, – сказал я. – Какого она года выпуска?

Бар-Фехтман переводила взгляд с меня на него и обратно, не понимая, что к чему.

– Вы где? – спросила она.

– Я тут, – ответил я. Браслет у меня на руке стал нагреваться.

– Но он же пикал, – сказала она.

– Да, и это еще не самое интересное, – сказал я и поднял руку.

– Что вы имеете в виду?

Вам, богачам, всегда нужны эффектные сцены. Три, два, один...

Браслет у меня на запястье треснул и загорелся. Через секунду, когда жар стал невыносимым, я стряхнул его с руки. Горящий ремешок упал на мраморный пол.

Я откинулся на спинку дивана, а Бар-Фехтман, вытаращив глаза, смотрела, как браслет превращается в кучку пепла.

– Я самый надежный курьер, которого вы только можете нанять, и не только потому, что я обещаю никогда не спускать глаз с ваших посылок, но и потому, что я все время буду с ними. Я инвалид. – Я дал этому слову наполнить ком-

нату и продолжил: — Я не могу ни с кем обмениваться. С любым браслетом, которым я пытаюсь пользоваться, происходит ровно то, что вы только что видели. Можете поискать, но я почти уверен, что вы не найдете медицинского описания этой проблемы. И уж точно вы не найдете другого курьера, к которому можно буквально привязать ваши посылки — и быть уверенной, что он точно доставит их до места назначения, да так, чтобы на каждом отрезке пути можно было за ними следить. Я знаю, что ваш предыдущий курьер посередине пути обменялся с человеком, который, как выяснилось позже, кинул вас обоих. И именно поэтому вы ищете нового курьера.

Я поднес чашку чая ко рту.

— Я не смогу сделать ничего подобного, даже если захочу. Бар-Фехтман улыбнулась.

Она снова села, взяла мой листок, что-то на нем написала и придвинула ко мне.

Я взял его и увидел новую сумму.

— Теперь понятно, почему вы берете так дорого, но это все же слишком. Вот более подходящая, на мой взгляд, цена, — сказала она.

Я положил бумажку на стол. Эффектные сцены никогда не подводят.

— И из гонорара за первую доставку я вычту стоимость браслета, который вы мне сожгли, — добавила она.

— Надеюсь, что он не дорог вам как память или что-нибудь

вроде того, – сказал я.

Она усмехнулась и снова встала:

– Пожалуйста, допивайте чай. Эдди проводит вас к выходу. Первое задание начнется уже скоро – как только из Франции мне сообщат, что нашли новую сотрудницу. Я вам сама позвоню.

Она развернулась и вышла из комнаты, стуча каблуками, гордо выпрямившись. Наверное, даже улыбаясь. Я сделал еще маленький глоток чая и взглянул на Эдди. Он смотрел прямо перед собой, как будто меня нет.

– Обет молчания, значит? – сказал я ему. – Молодец. Придумал, как избавиться от кучи ненужных разговоров, а?

– О, ты себе даже не представляешь! – сказал он, оставаясь совершенно неподвижным.

3

Я ехал на заднем сиденье такси и с удовлетворением смотрел, как за окном меняется вид.

День начался очень неплохо. Новая клиентка, молчаливый таксист. Наверное, вечером стоит позвать Гиди в бар, выпить за новую работу. Я угощаю.

Поездка шла гладко, мы почти не останавливались. Дорога была свободной, небо – ясным.

Говорят, что когда-то были пробки. «Заторы из-за избы-

точного количества машин на дорогах, не приспособленных к столь интенсивному движению» – так это описывали. Звучит крайне неприятно.

Я верю, что так было на самом деле, не то что некоторые мои ровесники, у которых напрочь отсутствует воображение. Возможность меняться телами, в сущности, всего лишь сделала жизнь удобнее и, видимо, дала еще один козырь той невидимой руке, которая приводит все в равновесие. В результате люди не прекратили водить машину – они лишь стали делать это достаточно редко, чтобы вождение снова обрело смысл.

Подумать только, как бы эта дорога выглядела, если бы ею пользовались *все*. Не говоря о выхлопах из сотен тысяч труб. Какая нелепая цена за то, чтобы просто добраться из точки А в точку Б.

Без сомнения, в этом отношении мы многое приобрели. Кто-то скажет, что этого достаточно, кто-то – нет. В любом случае реальность не спрашивает ни тех ни других, как ей развиваться.

Это произошло, когда мне было четыре года, так что я действительно ничего не помню. Я вырос в мире, в котором уже можно было обмениваться. Ну то есть все остальные могли.

Семейная история, которую я успел узнать, рассказывает, что папа позвал меня в гостиную, чтобы показать что-то по телевизору. Я был маленьким, худеньким мальчиком,

черноволосым и пучеглазым. На экране телевизора в нашей маленькой гостиной, рядом со свадебными фотографиями бабушки, которые папа почему-то решил повесить именно там, появились два англичанина, до крайности возбужденные (англичане никогда не позволяют себе таких эмоций, если речь не идет о футболе), и стали объяснять суть своего последнего изобретения. Репортаж включал много крупных планов синеватого пластикового браслета и простенькую анимацию: два человека, между которыми в обе стороны направлены стрелочки.

Папа утверждает, что я не проявил интереса и ушел к себе в комнату. Я и правда не совсем понял, что это такое и почему ради этого я должен был прервать то, чем был занят: я строил из лего дом для своего воображаемого друга и его собаки. Кирпичики складывались на качественный цемент из недр моего носа, а в соседней комнате на экране кто-то вещал о великом историческом событии.

Все произошло быстро, и, как обычно, у непонятной новой технологии появились противники, которые говорили, что личность должна оставаться собой, что нас поработщают концерны, что прогресс слишком стремителен, но человечество, естественно, не слушало: зачем слушать кого попало, ведь оно не кто-нибудь, а человечество. И оно решило принять новое изобретение, несмотря ни на что.

Через два года такой браслет появился у папы и примерно у восьмидесяти процентов населения западных стран. Ан-

глийские изобретатели, Джонсон и Пайк, не только в одночасье стали миллионерами, но и вошли в анналы как люди, чье изобретение изменило мир раз и навсегда.

Открытие Джорджа Джонсона и Фрэнсиса Пайка, как и многие другие исторические открытия, было совершено благодаря сочетанию удачи, таланта, оригинальной идеи и еще раз удачи.

Их целью – так, по крайней мере, позже писал в автобиографии Пайк, и так оба заявляли в интервью, которых за долгие годы дали бессчетное множество, – было разработать прибор, который позволит передавать информацию между двумя людьми вне зависимости от расстояния, погоды, радиоволн и всяких прочих подобных мелочей.

– Мы хотели взять за основу законы физики, – говорил Джонсон, – и создать передатчик, который сможет работать всегда. Без радио, без спутников, прямое и непрерывное соединение.

Чтобы проверить свою идею (которая основывалась на вещах, недоступных мне, вроде «квантовой запутанности» и хранилась в такой строжайшей тайне, что даже владельцам секретной формулы кока-колы оставалось только восхищенно покачивать головой и аплодировать), они изготовили два браслета.

Согласно этому первому эксперименту, передача информации предполагала получение данных из тел самих испытуемых.

Постфактум оказалось, что именно это сделало возможным все, что произошло в дальнейшем. Если бы они попробовали просто поговорить друг с другом или передать последовательность нулей и единиц, то, скорее всего, все было бы иначе. Но почему-то они поставили эксперимент таким образом: один браслет должен был считывать пульс того, кто его надел, а второй – пикать на низкой частоте, почти вибрировать, в том же темпе, синхронно. А потом то же самое в обратном направлении.

Но тут обнаружилось несколько ошибок.

Один из циклов был выстроен неправильно – по словам Пайка, «с точностью до наоборот». Механизм вибрации тоже был неисправным, оба прибора работали на слишком высоком токе. Дилетантизм, сказал бы я, но, видимо, здесь была достигнута как раз нужная мера дилетантизма.

Когда Пайк и Джонсон надели браслеты, сидя каждый в своей комнате, и включили их, они обнаружили, что изобретение ведет себя совершенно неожиданным образом. Джонсон вдруг понял, что видит комнату, в которой сидит Пайк. Пайк тоже ощутил, что смотрит на мир глазами Джонсона. Когда они попытались встать, подвигаться или выключить браслеты, их паника только усилилась. Потому что, хотя каждый из них смотрел на мир глазами другого, они все же управляли своими собственными телами.

Результатом были сломанные ребро и мизинец у Пайка и легкое сотрясение мозга у Джонсона. Когда им удалось нако-

нец исключить браслеты и снова начать смотреть на мир своими глазами, они поняли, что это изобретение станет чем-то большим, чем просто очередное средство коммуникации.

На исследование они потратили еще два с половиной года, скрупулезно проанализировали ход первого эксперимента, долго вносили изменения в механизм и наконец поняли не только как им управлять, но и как расширить его действие, чтобы механизм мог делать то, чего ни один человек и представить себе не мог.

«Не сказать, чтобы мы в точности понимали, что делаем, — писал потом Пайк в автобиографии. — Мы просто вводили разные числа, добавляли и убирали переменные, создавали сотни различных конфигураций, и в конце концов нам удалось установить, что на что влияет».

Так появилась конфигурация B145 — именно ей предстояло изменить мир.

Джонсон и Пайк так до конца и не поняли, почему она работает именно таким образом. Но после того, как им удалось сделать много исправных копий и когда они уже точно знали, что у них в руках, они связались с нужными деловыми партнерами, со всеми необходимыми административными инстанциями, которые должны были удостоверить безопасность изобретения, и, естественно, с прессой. Людям вроде моего папы их заявления казались бредом, но, когда продукт вышел на рынок и люди убедились, что он работает, очень скоро все стали обзаводиться браслетами, и мир дей-

ствительно изменился – если не перевернулся с ног на голову.

Идея была простой. У Мошико есть браслет. И у Хозелито есть браслет. Мошико звонит со своего браслета на номер Хозелито.

Хозелито видит номер того, кто ему звонит, на экранчике своего браслета, говорит: «О, это Мошико!» – и решает, отвечать или нет. И если он решает ответить на этот «звонок», принять запрос от Мошико, то два браслета устанавливают друг с другом контакт – и Мошико с Хозелито «обмениваются».

Хозелито оказывается в теле Мошико, а Мошико – в теле Хозелито. Номера браслетов обновляются соответственно: номер следует за хозяином, переместившимся в другое тело. И все. Теперь они будут жить в телах друг друга, пока не созвонятся снова и не «обмениваются» обратно.

Джонсон и Пайк представили это как новое транспортное средство – видимо, по причинам, связанным с процедурой государственной регистрации, с налогообложением или чем-нибудь вроде того.

Вместо того чтобы договариваться о подвозке до работы, теперь вы просто находите кого-нибудь, кому рукой подать до вашего офиса, а вам – до его. Вы обмениваетесь утром, обмениваетесь обратно вечером – и тем самым немало экономите на транспорте. Как просто.

Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что этими брас-

летами можно пользоваться и во многих других целях.

Я всегда думал, что во всем, что связано с великими историческими изобретениями, «как?» – это самый важный и интересный вопрос. Так вот, это неверно. У Джонсона и Пайка не было ни малейшего представления о том, как работает то, что они придумали. Как маленькая материнская плата со всем, что к ней припаяно, может преодолеть невидимую преграду между душой и телом. Перепрыгнуть, как козленок. Они просто пробовали разные средства и комбинации, пока не остановились на B145, которая вдруг заработала. Поначалу они даже не знали, как получить патент на эту штуку и дадут ли его вообще. Только постфактум они осознали, насколько важно их изобретение: важным его сделали последствия.

Спросите сотни тысяч людей, которые занимаются межтелесным туризмом, – жителей экзотических мест, которые за плату «сдают» свое тело посуточно ленивым туристам и которые несут ответственность за тот факт, что во многих живописных деревушках Европы не больше десяти процентов жителей находятся в своих телах. Или спросите десятки тысяч фитнес-тренеров, которые занимаются вместо других людей. Волонтеров, позволяющих инвалидам, слепым, глухим, больным самыми разными болезнями пожить в здоровом теле несколько часов или дней. Все они расскажут вам, как обмены изменили мир – и их собственную жизнь.

Потом посмотрите на вторую часть уравнения: на кока-

инщиков, которые позволяют всем, кто хочет испытать действие наркотика, оказаться в их безнадежно больном теле – и не испытать ломку (по крайней мере, телесную ее сторону); на людей, кто, сам того не зная, изменил своему партнеру, который телепортировался на часок – и оставил свое тело другому человеку, а тот не устоял перед соблазном; на спекулянтов, которые не продадут вам билет на стадион, а просто позволят попасть на игру, будучи в их теле.

Догадываетесь, к чему это привело? Трудно найти сферу жизни, которая не претерпела бы изменений. От официально признанных религий до научных исследований, от бизнеса до жизни ЛГБТ, от массовой литературы до авангардной поэзии – все почувствовали, что мир изменился.

Транспорт. Ну да, конечно.

Я наклонился к водителю:

– Можете остановиться здесь на пару минут? Я хочу выйти купить сабих².

Он поднял большой палец в знак согласия и повернул руль вправо.

Я не хочу сказать, что транспорт не претерпел изменений после появления обменов. Равновесие установилось по-новому, это понятно. Многие люди все еще предпочитали проводить большую часть времени в своем собственном теле и,

² Сабих – популярное блюдо израильского фастфуда: пита с начинкой из жареных баклажанов, других овощей, вареных яиц, тхины и прочих соусов. – *Примеч. перев.*

если возможно, ездить на работу. Обычный человек хочет оставаться самим собой и по возможности не меняться. Но если работа была слишком далеко или риск пробок, даже не самых страшных, по пути туда был слишком велик, то они просто выбирали новый способ езды автостопом: поиск того, кто живет недалеко от их места работы и работает недалеко от их дома.

Итак, на одном конце спектра были консерваторы, которые предпочитали ездить всюду сами, а на другом – те, кто жил в домах без дверей и других входов и выходов. Они могли выйти из дома, только поменявшись телами. В богатых районах некоторых городов можно найти дома, в которые никак нельзя физически попасть и из которых никак нельзя выйти. Полная защита от грабежей и нападений – правда, придется заметить, что при этом вы – по крайней мере, ваша телесная оболочка – выходите из дома только ради... на самом деле не выходите вообще.

Так что дорожное движение просто достигло новой точки равновесия – когда максимальное количество людей может ездить без пробок.

В том, что касается перелетов, дело обстояло иначе. Многие предпочитали не летать, а меняться телами с друзьями в других странах или с людьми, которые занимались гостиничным бизнесом. Выход браслетов на рынок оказался для авиаперевозчиков роковым ударом – и теперь самолеты пе-

ревозят в основном грузы, а не людей. Те, кто помешан на перелетах, или луддиты³, которые против обменов по идеологическим причинам, летают на грузовых самолетах: там еще оставили несколько сидений. Луддиты и я.

– Острого соуса побольше, – попросил я продавца.

Он поднял полную ложку и показал мне, вопросительно наклонив голову.

– Да, столько, – ответил я. – И побольше баклажанов. В обе порции.

По пути обратно к такси я прошел мимо Меира. У нас такая традиция: каждый раз, когда я тут останавливаюсь, я покупаю две порции. Одна из них – для Меира, который живет на лавочке под сосной, в пяти метрах от киоска.

Он читал какую-то тонкую потрепанную, некогда оранжевую книжку. Что-то авторства Исайи Лейбовича⁴. Всякий раз, когда я прихожу, он читает что-нибудь новое: библиографические сокровища, которые люди выбрасывают, лишние экземпляры из библиотек, энциклопедии, которые никому уже не нужны. Он протянул руку, не отрывая взгляда от книги.

– Сделай одолжение, – сказал он, когда я вложил сабих ему в руку, – в следующий раз клади поменьше острого со-

³ *Луддиты* – противники прогресса, вытесняющего из производства человеческий труд. Так в Англии в первой четверти XIX века называли выступающих против промышленной революции. – *Примеч. ред.*

⁴ *Исайя (Ишайя'гу) Лейбович* (1903–1994) – израильский ученый-химик, философ, политический мыслитель левого толка. – *Примеч. перев.*

уса.

– Раньше перец тебя не смущал, – удивился я.

– Теперь у меня от него болит живот, – ответил он. – Я пытаюсь есть меньше острого.

– Хорошо, я записал, – сказал я. – В следующие разы поменьше острого соуса.

– Если тут буду именно я, естественно, – добавил он, как обычно.

– Не ты – так тот, кого ты уговоришь поменяться с тобой, – ответил, как обычно, я.

Потом я вернулся к такси со вторым сабихом в руке. Водитель обернулся назад, показал на сабих, потом на сиденье – и помахал пальцем. В переводе это означало: «Смотри не напачкай мне тут».

В ответ я тоже поднял палец и улыбнулся. Перевод мог быть: «Все понял, не волнуйся». Но если что – всегда можно сказать, что я имел в виду: «Только один раз!»

Он переключил передачу – и вернулся на шоссе.

Разумеется, до того, как появились все эти волонтеры, которые дали врачам возможность добираться до больных за считанные секунды, и все эти красавцы, в облике которых вы сможете пойти на свидание, если вы не в восторге от собственного тела, и все эти сантехники и электрики, которые готовы среди ночи переместиться в ваше тело, чтобы залатать течь на крыше или решить проблему с электрощитком, – так вот, задолго до этого власти поняли, что всю эту историю

с обменами нужно регулировать.

Поначалу они пытались отложить процесс регуляции, чтобы «досконально изучить вопрос личного пространства», все крайние случаи и бла-бла-бла, но давление общества и необходимость отвечать что-нибудь гражданам все-таки убедили соответствующие инстанции, что это куда более срочный вопрос, чем кажется⁵.

К браслетам были присоединены устройства, которые фиксировали обмены и кодировали эту информацию, чтобы при необходимости можно было выяснить, кто, когда и с кем обменивался. В каждом браслете хранился список обменов, произведенных с его помощью.

Естественно, в результате возник огромный черный рынок взломанных браслетов: таких, из которых сумели вытащить устройство фиксации, или даже таких, в которых можно было стирать или изменять записи об обменах.

Черный рынок взломанных браслетов существовал многие годы. Анонимные браслеты, одноразовые браслеты, которые после использования обнуляют память, браслеты, данные в которых можно редактировать. Я знаю, как это работает. Если вы дадите мне браслет производства одной из круп-

⁵ А теперь – как было на самом деле: вначале они пытались отложить процесс регуляции, чтобы дать армии протестировать все имеющиеся приложения, но после того, как одной террористической организации удалось заставить всех врасплох и спланировать теракт, взломав несколько браслетов и одновременно поменяв местами примерно двадцать ни в чем не повинных граждан, кто-то там наконец проснулся. – *Примеч. авт.*

ных фирм, я наверняка вспомню, как его открыть, покопаться в нем, добраться до внутреннего механизма и поиграть с его настройками. Но в конце концов я перешел на более легальную работу.

Итак, появились два вида обменов: обычные, законные, которые совершает большинство людей, – и «черные», пиратские обмены, которые нельзя отследить. Ими пользовались преступники, террористы, иногда – военные и просто те, кто по той или иной причине не хотел, чтобы стало известно, что они делают. Приватность – это монета, которая уже давно истерлась. Сегодня на такие монеты ничего не купить, но некоторые люди по-прежнему собирают их – не то из принципа, не то по привычке.

Но не столь важно, какой вид обмена вам по душе – обычный или пиратский. Важно, что мир вокруг вас изменился.

Теперь вы живете в мире, в котором философы спорят, что доказывает появление новой технологии: что тело и дух существуют отдельно друг от друга или, напротив, что и то и другое – материально. В мире, в котором религиозные наставники убеждают свою паству, что, если кто-нибудь согрешит, находясь в чужом теле, грех все же зачтется ему; в мире, в котором дебилы кинокомедии без конца жуют тему «я обменялся, но не знаю с кем», а драмы вновь и вновь прорабатывают сюжет «я совершил ужасный поступок, находясь в чужом теле, – признаваться ли в этом?».

Десять лет назад Фрэнсис Пайк исчез. Точнее, его тело

все еще с нами, но где именно находится он сам — неизвестно. Наверное, он примкнул к «коллективу обменивающихся» — группе людей, которые определенным образом настроили свои браслеты и обмениваются друг с другом случайным образом, раз за разом.

Когда Пайк перестал появляться на публике, а люди, которые видели его, сообщили, что он ведет себя как-то странно, стали обсуждаться две версии событий: либо Пайк сошел с ума, либо ему надоели слава и внимание, которые принесли ему браслеты, и он решил залечь на дно. Вторая версия звучала более убедительно.

Наверное, где-то живет прыщавый парень, смуглый, с красными глазами, устами которого улыбается окружающим лауреат Нобелевской премии.

Появились законы. Множество законов. В большинстве своем люди обменивались далеко не каждый день, а если все же обменивались, то с одними и теми же знакомыми. Доверие по-прежнему было ходкой монетой, и чаще всего достаточно было переброситься с человеком парой фраз на заранее определенную тему, чтобы понять, кто перед тобой на самом деле. Но для всех остальных случаев — странных происшествий, обманов, всех ситуаций, когда человек, намеренно или нет, заставляет вас сомневаться, — требовались законы. Производители браслетов обязаны были хранить записи об обменах, в которых участвовал каждый браслет; обмениваться с кем бы то ни было без его разрешения было запре-

щено; был установлен минимальный возраст, когда можно начинать пользоваться браслетами (в большинстве стран он колеблется от шестнадцати до девятнадцати; браслет – это как транспорт или нет?). Суд вынес прецедентное решение⁶: в случае совершения преступления ответственность несет не тот, в чьем обличье оно было совершено, а тот, чья душа была в этом обличье. Целый мир законов, призванных упорядочить все это дело, – и, разумеется, в этих законах обнаруживались лазейки.

А еще бывали приступы.

Они начались лет через восемь после того, как браслеты стали широко использоваться, и были двух видов.

В первом, наиболее распространенном случае все начиналось с сильной головной боли. Потом возникало ощущение покалывания в кончиках пальцев, в руках и ногах, а иногда чувство холода, главным образом в области шеи. И тогда происходил обмен. Без браслета, без набора номера, без всяких приготовлений – просто вдруг вы обменивались с кем-нибудь случайным, кто мог находиться в любой точке мира. С этим кем-то, очевидно, приключался такой же приступ: он испытывал такую же головную боль, иногда – ощущение покалывания и холода, а потом оказывался в вашем теле.

Поначалу это называлось «спонтанным обменом», но по мере того, как таких случаев становилось все больше, за этим

⁶ Израильское правосудие относится к прецедентной (англосаксонской) системе права. – *Примеч. перев.*

явлением закрепилось простое название «приступ».

Все знали, что люди имеют в виду, когда говорят «приступ». В особом отчете ООН, опубликованном пять лет назад, сообщалось, что как минимум 2,2 % населения Земли испытали по меньшей мере один приступ. Новостные каналы рассказывали об этом отчете с воодушевлением человека, который докладывает о грядущей пандемии. Им удалось заставить общество впасть в панику на несколько недель, пока наконец они не оставили в покое этот редкостный и драгоценный пугающий факт. Что действительно было страшно, так это то, что некоторые из переживших такой приступ никогда не пользовались браслетами. Таким образом, никто не был застрахован.

Второй вид приступов происходил похожим образом, но без головной боли и прочих предупреждающих симптомов. Раз – и вы оказываетесь в чьем-нибудь теле. Вот так просто. С течением времени приступов первого типа становилось все меньше, а второго – все больше.

Я решил, что, когда приеду домой, звякну Гиди, договоримся куда-нибудь сходить, если он не будет в тот момент занят очередным расследованием. Приступы вызвали к жизни новую профессию – детективов, задача которых искать, в каком теле вы оказались в результате приступа, в каком теле оказался ваш супруг, сотрудник или ребенок. Это и было работой Гиди.

Знаю-знаю, большинство просто звонит домой или ко-

му-нибудь из близких и организует обратный обмен. Вот и все. Если у этих людей есть браслет, то все еще проще. В отличие от обычного обмена, который делается с помощью браслета, в ходе приступа номер не меняется, так что можно позвонить на свой собственный браслет в надежде, что второй участник спонтанного обмена не идиот. Но так бывает не всегда. Ведь идиоты в мире существуют. И на протяжении человеческой истории идиоты обеспечивали заработком огромное количество людей.

Гиди расследовал часть таких случаев. Иногда его нанимают, чтобы узнать, куда исчез человек, который обменялся и не хочет, чтобы его нашли. Это даже труднее.

Мой папа не любил браслетов, хотя и пользовался ими.

«Срезать путь невозможно, – говорил он. – Чтобы попасть из точки А в точку Б, нужно пройти все расстояние между ними».

В определенном смысле это до сих пор верно, только «расстояние» сейчас определяется иначе. Чтобы оказаться в другом месте, вы нажимаете на кнопку. Настоящее расстояние – не физической природы. Чтобы стать человеком, которым вы хотите стать, чтобы определенным образом преобразовать свою душу, вам по-прежнему нужно пройти весь путь целиком, ведь эти действия делают вас собой.

Лично я уж точно не могу срезать путь. И сколько бы я ни искал – мне так и не удалось найти кого-то, кто страдает от

того же недуга, то есть того, кто тоже не может обмениваться, у кого браслет просто загорается и превращается в кучку пепла всякий раз, когда он пытается это сделать. В моем случае константой остается не только мое тело, но и ощущение, что весь мир испытывает нечто, чего я не понимаю, чего я не могу испытать, в чем я остаюсь не при делах.

Почему-то я вынужден смотреть на все только своими собственными глазами – и видеть, как весь мир обменивается ради любого пустяка.

Весь мир, кроме меня.

Такси остановилось у входа в дом, и мне пришлось перестать жевать, чтобы заплатить водителю.

Он посмотрел на обивку заднего сиденья.

Я вышел из машины, дожевывая остатки сабиха и втягивая воздух, чтобы острый соус поменьше обжигал, и вдруг увидел, что она стоит и ждет у дома, опираясь на стену одной ногой.

Увидев меня, она оторвалась от стены и пошла мне навстречу.

4

Каждый, кто хоть раз смотрел в глаза женщине, когда она говорит «в таком случае делай что хочешь», хорошо понимает вещи, само существование которых основано на внут-

реннем противоречии. Намек на нечто смешивается с намеком на полную ему противоположность. Поди разберись.

Я ощущал это, смотря, как она подходит ко мне. Шагов шесть, не больше. Ну семь.

Она была женщиной зрелых лет. Седые волосы собраны в хвост резинкой, в уголках глаз – морщинки, яркое легкое летнее платье оставляло открытыми руки, которым явно не нравилось быть у всех на виду. В этом теле было что-то такое, что отпугивает молодых людей, как только его хозяйка начинает интересоваться их жизнью. Но ее походка оставалась свежей, легкой. Сквозь увядание, выставленное напоказ, среди морщин проблескивали озорные глаза и улыбка.

Мой медленный мозг попытался выбрать хоть какую-нибудь точку на шкале первых впечатлений – и совершенно запутался, тщетно пытаясь совместить все: цветущую, но уже отцветающую харизму, юную и в то же время пожухшую свежесть.

Широкими шагами она прошла расстояние между нами и встала прямо передо мной.

– Дан Арбель? – спросила она.

– Да, – ответил я, слизывая тхину с губы. – С кем имею честь?

– Мне нужно посоветоваться с вами по одному вопросу, – сказала она.

– Да, конечно. Но все же кто вы?

– Может, поднимемся к вам? – Она указала рукой на мой

дом. — Там будет гораздо удобнее разговаривать, чем на улице.

— Так о чем вам надо посоветоваться? — спросил я и невольно пошел за ней. — Вам нужен курьер?

Она скосила на меня взгляд.

— Да. Курьер, — сказала она.

Нет. Курьер ей точно не был нужен.

Мы молча поднялись на лифте.

Я пытаюсь блюсти границу между личной жизнью и делами. Иногда нужно передать посылку, о происхождении и содержимом которой ты не знаешь наверняка, — и такую посылку точно не стоит хранить дома. Не хотелось бы, чтобы люди, связанные с ней, заходили к тебе домой. Я не могу обмениваться, а это значит, что мои недоброжелатели представляют для меня куда большую опасность, чем для всех остальных людей — их враги. Поэтому необходимо оставлять сферы жизни, не связанные с работой.

Но что сделано, то сделано. Когда дверцы лифта открылись, я лишился последней возможности настоять на встрече в каком-нибудь общественном месте.

Может быть, если бы я меньше пытался понять, что меня в ней смущало, я был бы осторожнее. Оглядываясь назад, могу сказать с уверенностью: благоразумным мое поведение не назовешь.

— Так о чем будем говорить? — спросил я.

Мы сидели на моей крохотной кухоньке, перед ней сто-

ял стакан с водой, посередине стола – блюдо с печеньем (я очень надеялся, что срок его годности еще не истек).

– О посылке, конечно, – ответила она.

– Что за посылка?

– А какие посылки вы доставляете?

Ну, так можно болтать часами, пока наконец не дойдет до дела.

– Если вкратце, то я берусь доставить все, что угодно и куда угодно, – сказал я. – Куда-нибудь неподалеку, за границу; личные посылки, корпоративные; за пять минут, за три недели; доставляю все – от кусочка сахара до белого слона. Я сам заберу посылку, во время поездки она всегда будет при мне, я обязуюсь доставить ее лично. Я не буду оставлять ее нигде ни на секунду, не буду обмениваться, а за отдельную плату можно даже прикрепить мне посылку к телу – если размеры позволяют. Цена включает все страховки и покрытие минимальных расходов на ночлег и питание в пути.

– А что, вам действительно когда-нибудь доводилось перевозить кусочки сахара?

– Нет. Но зато слонов – доводилось. Трех.

– И сколько это стоило?

– А какая, в сущности, разница?

– Я пытаюсь понять, какой у вас разброс цен.

– Для чего?

– Чтобы понять, может ли так быть, что когда-то вы работали на Ламонта.

Когда она произносила это имя, ее глаза заблестели, только непонятно, из уважения или от ненависти.

Бум, бац, шмяк.

Как в старой пинбол-машине, нужный шарик вдруг подскочил – и машинка отчаянно завывала. Действительно, как же я не узнал ее в лицо. Кейтлин Ламонт, жена Жака Ламонта, одного из пятерых мировых королей СМИ, сидит у меня дома перед тарелкой печенья, которое дожидалось (видимо, все эти годы) только ее.

Телеканалы, радиостанции, киностудии, по меньшей мере три газеты и множество журналов. Ко мне пришла жена одного из богатейших людей в мире. Без охраны. Что, ко всем чер...

– Госпожа Ламонт, – сказал я, улыбнувшись, – извините, что я вас не узнал. Видимо, устал. Было дело, когда я чуть не начал работать на господина Ламонта, то есть на вас. Впрочем, я рад, что в конце концов из этого ничего не получилось, как вы, наверное, помните.

– Простите?

– Я был курьером, который в свое время должен был доставить выкуп за вашего сына. Мы так и не встретились тогда лично, так что вы можете и не знать меня.

Эта история с выкупом была очень странной.

Как-то утром шестнадцатилетний сын Жака Ламонта пришел к отцу и сообщил ему, что он больше не шестнадцатилетний сын Жака Ламонта. Он молодой мужчина из близле-

жащего города, которому удалось уговорить сына Жака Ламонта, дебила и лентяя по имени Дик, которого не волновало вообще ничего и который ничего не знал о мире, обменяться с ним телами.

Как и в каждой богатой семье, в которой родители слишком заняты своей финансовой самореализацией, в доме Ламонтов браслеты валялись без присмотра, в том числе и такие, в которых, вопреки требованиям закона, не хранились данные об обмене (некоторым людям особенно претит идея отчитываться за каждый свой шаг).

Так или иначе, мужчина, находящийся в теле Дика, сказал отцу, что его сын сейчас с двумя мордоворотами, которые приставлены охранять его, и если отец хочет увидеть его еще раз в его собственном теле, то придется раскошелиться.

Что делать? С одной стороны, негодяй, который похитил у тебя сына, сидит перед тобой, улыбается и вообще доволен собой. Естественно, ты хочешь лупить его по роже дубинкой, пока он не соизволит рассказать тебе по доброй воле, где находится твой сын. С другой стороны, это тело твоего сына, и тебе хочется, чтобы тело оставалось целым и невредимым, пока деточка не вернется.

Во всем этом безумии я так и не встретился с Ламонтом лично. Меня пригласили в офис в центре города и дали большой серебристый чемодан, который в течение часа нужно было куда-то доставить. Но вскоре мне позвонили и попросили вернуться. Чемодан у меня забрали и сказали, что я

свободен. Несмотря на то что заказ был отменен, гонорар мне переведут, если я пообещаю молчать об этой истории. Куча людей куда-то бежали, ругались – кто сквозь зубы, а кто громко – и выглядели крайне недовольными жизнью.

Короткий разговор с одним из офисных сотрудников, которые сидели в сторонке совершенно сбитые с толку, и я узнал, что произошло. То обстоятельство, что меня вернули, объяснялось просто. Похититель не согласился на то, что деньги ему доставит третье лицо. Он настаивал на том, чтобы сделать это самому. Он поедет в надежное место и там встретится – по-другому не скажешь – с самим собой. Когда похититель и похищенный окажутся в одном помещении, они обменяются. Один заберет чемодан, а другой вернется домой. Ламонтам, естественно, этот план не понравился. Где гарантия, что похититель не возьмет деньги и не уйдет в закат – и не останется навсегда в теле их сына? С другой стороны, похититель утверждал, что никому не доверяет. Он не хочет вернуться в свое исходное тело и обнаружить, что его надули. Он хочет получить деньги перед тем, как обменяется обратно. В общем, получался уроборос⁷, кусающий собственный хвост.

– Очень странная история, – сказал я этому сотруднику. – Дайте-ка мне позвонить.

Не прошло и двадцати минут, как в имение Жака Ламонта

⁷ Уроборос – свернувшаяся в кольцо змея или дракон, кусающая собственный хвост. – *Примеч. ред.*

приехал Гиди.

Он представился как частный детектив, который занимается поиском пропавших и похищенных, находящихся в чужом теле. Попросил поговорить с похитителем с глазу на глаз. Ламонт встретил предложение без восторга: он чувствовал, что с каждой минутой риск, что его сын исчезнет навсегда, растет, но в конце концов согласился.

Когда Гиди вышел из комнаты, за ним следовал Дик Ламонт собственной персоной, в своем собственном теле, напряженный, тяжело дышащий. Несколько вопросов, на которые мог ответить только он, доказали, что это на самом деле блудный сын. Вопрос был решен.

Как его ни упрашивали, Гиди не согласился рассказать, что именно он сказал похитителю и как убедил его обменяться обратно, и попросил слишком не давить на ребенка. И свой гонорар, естественно.

А потом как-то вечером за дружеской беседой рассказал мне. Никакого похищения и никаких мордоворотов не было. Мальчику просто надоели родители, и он попытался сбежать из дома – и получить за это деньги. Он немного изменил свою пластику, заговорил по-другому и заявил, что он – похититель. Почему-то он был уверен, что сможет получить чемодан с деньгами и сбежать. Но ему было всего шестнадцать, а особенно смышленным он отродясь не был, да и хорошим актером тоже. Пятиминутного разговора с Гиди хватило, чтобы выдумка рассыпалась: Гиди вытащил из маль-

чика несколько сведений о похитителе, которые плохо стыковались друг с другом.

Рано или поздно дело и так бы раскрылось. Кто-нибудь когда-нибудь предложил бы подвергнуть «похитителя» какой-нибудь пытке, которая не оставляет следов на теле, кто-нибудь обратил бы внимание на использование сленга не к месту, кто-нибудь понял бы, что никаких доказательств похищения, черт возьми, нет, кроме самого похищенного, который утверждает, что он похититель.

По-моему, сказал Гиди, это был случай «возьми деньги – и быстро уходи». И он ушел, пока родители не поняли, что если бы они, охваченные чувством вины, не впали бы в панику, то никакой Гиди им бы вообще не был нужен, а вся история закончилась бы словами «иди в свою комнату и перестань морочить мне голову».

– А, выкуп... – сказала она рассеянно.

– Это, конечно, был изматывающий день, в том числе и для вас, – ответил я. – Я не встречался тогда лично с вашим мужем, но связывался с ним по телефону, по громкой связи, когда он говорил со всеми. И судя по голосу, он был страшно напряжен.

– Так вы не знаете его лично? – спросила она.

– Боюсь, что нет.

– И вы ни разу не встречались с ним с глазу на глаз?

– Нет.

– Слава богу, – сказала она, взяла стакан с водой и отпила

несколько больших и быстрых глотков.

Потом поставила стакан, откинулась на спинку стула и посмотрела на меня даже с некоторым интересом.

– Надеюсь, вы простите, что я была с вами не вполне откровенна, – сказала она. – Мне нужно было убедиться, что вы не близки между собой. Если вы друг моего мужа, то моим другом вы стать не можете.

А что, я хочу стать твоим другом?

– Хотите, расскажу историю? – спросила она.

– Какую историю? – спросил я.

– Историю, которую рассказывают после риторического вопроса, на который надо ответить «да», – сказала она.

Чтоб тебя. Ну ладно.

– Тогда да.

Она провела пальцем по краешку стакана – это движение вновь обнаружило то внутреннее противоречие, которое проявилось в ней несколько минут назад.

– Конечно, я сейчас не такая, какой ты меня помнишь. Но я Тамар. Тамар Сапир.

Этого я не ожидал. Вдруг во мне автоматически пришли в действие десятки защитных механизмов, которые уже успели покрыться паутиной. Они предостерегали: не показывай свою реакцию на это имя! Я постарался ничем не выдать своего волнения. Не факт, что у меня получилось.

– В четверг, за зданием инженерного техникума, под деревом, когда мы съели тонну черешни и еще не отправились

ко мне смотреть повтор «Квантового скачка»⁸. Так лучше? – спросила она.

Может быть. Наверное. Не знаю. В конце концов, доказательством тому, что ты – это ты, служит не тот факт, что ты можешь рассказать о нашем первом и втором поцелуе, а то, как ты строишь предложения, когда рассказываешь об этом. Да, это она.

– Пока хватит, – ответил я.

Неужели и правда Тамар?

– С тех пор как мы виделись в последний раз, произошло много чего. Я бывала в разных местах и занималась разными вещами. Некоторыми я горжусь, некоторыми – не особенно. Так или иначе, последняя работа у меня была как раз неплохая. Я хотела заработать денег на учебу, и подруга устроила меня на телевидение, в развлекательную программу «Роман втроем». Если ты ее когда-нибудь смотрел, то, может, узнал меня.

Это Тамар с волосами потрясающего цвета красного дерева и глазами, которые рвут тебе душу, правда? Тамар-неужели-она-правда-со-мной? Тамар-с-заразительным-смехом? Тамар-к-которой-я-спешил-каждый-вечер-когда-целый-день-взламывал-браслеты? Что, черт возьми, ты делаешь тут в этом теле?

– Я была в этой программе одной из «сменщиц». Ты в кур-

⁸ «Квантовый скачок» (англ. «Quantum Leap») – американский научно-фантастический сериал, выходивший в 1989–1993 годах. – *Примеч. перев.*

се, да, в чем там идея? Участвует супружеская пара. Сначала жена обменивается с одной из трех девушек-сменщиц, и они живут вместе два дня. Там отдельные комнаты и все такое, но зато можно вместе скоротать вечер и так далее. Это программа для всей семьи, не беспокойся. Но сегодня никаких гарантий нет. Ладно, не важно. В общем, все три девушки заранее изучают досье на жену, но в программе только одна из них – это на самом деле жена, а через два дня муж должен угадать, с кем из трех девушек его жена обменялась. Есть правила: что́ она может говорить, что́ нет, за ними там всегда следят через камеру. Это как во всяких викторинах, которые были раньше, когда нужно было смотреть, отвечают ли супруги на вопросы одинаково, – ну, только более мудрено. И рекламы больше. И больше нарушения личных границ. Просто ужас. Наше общество правда деградирует. Короче говоря, после этого делают то же самое, только муж обменивается с кем-нибудь из троих парней. И если один из супругов угадает, в чьем теле на самом деле находится второй, то они получают отпуск на Гавайях или что-то в этом роде. А если оба угадают – то тогда им дадут еще и классные тела, с которыми можно обменяться на время отпуска. Смысл этой программы – об этом не говорят вслух, но всем и так понятно – в том, что пары туда приходят совершенно обычные, средне-статистические, неухоженные, а вот девушки и парни, с которыми они обмениваются, – это роскошные молодые красавицы и красавцы, которых выбирают будто по фантазии

каждого из супругов. То есть все это о том, как же клево, что моя жена наконец-то молодая и подтянутая, – всякая такая гадость. Один критик назвал нас «радужная блевотина». Ладно, фиг с ним. Короче, в нескольких программах я была одной из «сменщиц», потому что, хоть я понимаю, какая это гадость, трудно заработать, если просто сидишь дома и ждешь денежную фею. Но вот дальше... Со мной никогда не обменивались, но во всех программах, в которых я участвовала, мужья были уверены, что именно я – их жена. Оказывается, у меня прям талант к этому делу. Я легко убеждаю людей. Смущает, но в то же время есть чем гордиться. Такой вот амбивалентный опыт.

Подожди-ка, подожди, подожди. Как же объяснить, что ты тогда исчезла?

Ладно – ты уехала на полгода в Негев, но даже не зайти попрощаться? Не прислать эсэмэску на Новый год? Хотя что-нибудь? То, как мы исчезли из жизни друг друга... Этот кусок явно выпал.

Ты не можешь просто явиться и начать рассказывать мне о своей жизни. Так не честно.

– Так вот, как-то раз мне звонит эта самая собственной персоной, – сказала она и показала пальцем на саму себя, – жена Жака Ламонта. Не секретарша, не советник, не координатор. Сама мадам звонит и просит о встрече. Анонимно. А я подумала: почему бы и нет? Хочет встретиться? О'кей. И мы встретились. Она приходит такая, в темных очках и все

прочее, мы сидим в кафе, в уголке, и она рассказывает, что хочет сделать сюрприз уважаемому господину Ламонту и подарить ему себя в молодом теле на несколько месяцев. Она хочет обменяться, причем насовсем. Ее очень впечатлило, как я играла других женщин в этом шоу, и она хочет, чтобы я изучила ее характер и обменялась с ней. Типа я очень похожа на нее в моем возрасте. Короче, обменяемся. И я буду ходить на конференции, банкеты благотворительных фондов, буду вместо нее колесить по всему свету как представитель разных организаций – короче, буду ею. А она будет любовницей своего мужа. Она все узнает обо мне – и всем будет казаться, что она ведет мою жизнь. При этом они с мужем будут играть друг с другом в игру: он станет за ней ухаживать и снова ее добиваться. Она думает, что это будет вау как романтично.

А как там насчет твоих обещаний остаться со мной навсегда, даже если ты исчезнешь?

Как насчет того, что мы вместе закопали в землю в твоём дворе? Капсула с письмом в будущее – или как там называется эта хрень? Знаешь что, почему вообще меня должно трогать, что ты здесь, маленькая паршивая сердцеедка? Зачем ты снова хочешь войти в мою жизнь?

Говори, говори, не останавливайся.

– Ну, я посмотрела на ее фотки в молодом возрасте, ну, то есть это она мне показала, когда мы вместе сидели, – так вот, она действительно была похожа на меня. В этом безумии есть своя логика, правда? Наверное, богатые пары делают подоб-

ные вещи постоянно. Обмениваются, на какое-то время получают молодые тела и пытаются снова разжечь искру любви. Разумно. Логично. Но они в основном делают это в отпуске, в одиночестве и меняют оба тела. А она хотела, чтобы ее муж – как она это сформулировала? – «испытает, что такое измена, при этом на самом деле ей не изменив». Пусть газеты будут писать, что он встречается с молодой девушкой, пусть папарацци публикуют всякие снимки – да хоть что. Но это будет в моем теле – и все будут думать, что у него роман со мной, понимаешь?

Это правда Тamar-которая-как-я-думал-всегда-будет-сомной? Правда? Именно это я сейчас обязан выслушивать? О твоей маленькой интрижке, в которой ты играла роль любовницы?

Эй, постой, постой, а как там диски, которые я тебе давал послушать все эти годы? Ты приходишь сюда и начинаешь со мной беседу, не сказав перед этим: «Вот, забирай весь свой странный джаз», или «Извини, что я пропала», или, скажем, что-нибудь вроде «Я не хотела, чтобы мальчик, которым ты был, влюбился в меня, а потом нагадить ему в душу и исчезнуть, чтобы ты потом долгие годы не доверял вообще ни одной женщине»...

– Если честно, то эта идея была мне не так уж и противна. Я понимала, что дело не очень чисто, но быть немного чокнутой иногда необходимо. И если говорить философски, я за «майнд», а не за «боди». Человек – там, где его душа, а

не там, где его тело, согласен? Некоторым было бы стремно обмениваться, они бы сказали: поди знай, чем они там будут вместе заниматься, – но так можно сказать о любом обмене. Поди знай, что будут делать с твоим телом, когда ты находишься в другом месте? Может, тот, кто сторожит твое тело, чтобы тебе не пришлось терпеть, как тебе лечат зубы, – на самом деле пристаёт к медсестре? Вся идея в том, что тебе возвращают «грязное» тело, – это просто очередной повод искать, от чего бы стошниться. Если моей души там не было, когда это происходило, то это происходило не со мной, – вот что я скажу. Так что я ответила, что подумаю, но если серьезно, то после того, как она назвала цену, уже по дороге домой я твердо решила, что соглашусь. Два месяца изучать ее досье, еще три месяца провести в ее теле – и я обеспечена на пять лет вперед. На пять лет!

Мне не понравилось, как развивается эта история. Ясно, что она захочет остаться в твоём юном теле. Это ещё Эйнштейн открыл. Все предметы в мире падают вниз из-за искажения пространства и времени, потому что все стремится туда, где время течёт медленнее, где меньше стареют.

Может, вместо этого расскажешь, как на самом деле тебе хотелось не терять связи со мной, но тебя посадили в пещеру, а ее охранял огромный медведь с ружьем и глазами-лазерами и не выпускал тебя?

– Ну, мы обменялись. Я была в ее теле, и мне казалось, что я понимаю, зачем ей все это было нужно. Они жили со-

вершенно отдельно друг от друга. Когда он в разъездах – она дома; когда она дома – он куда-нибудь уезжает. Мы с ее мужем виделись от силы пару раз. Они спят в разных комнатах, им уже не надо воспитывать детей: все выросли и свалили. Как это у него до сих пор не было романа? Непонятно. Может, был. А может, она каждый год обменивается с кем-нибудь новым. Я не знала этого – да меня и не интересовало. Я представлялась мадам Ламонт, участвовала в открытиях галерей, в ужинах с политиками, иногда – в ее теле, которое ты сейчас видишь перед собой, иногда – в другом, ведь раньше она иногда обменивалась в поездках. Иногда мне приходилось напоминать самой себе по утрам, кто я и где я. Я Тамар Сапир, я в теле какой-нибудь японки, но делаю вид, что я жена миллионера, которая якобы обменялась с японкой, чтобы быть почетной гостьей на конференции о «женской силе», которую организует журнал ее мужа. Как-то запутанно. Но я старалась играть роль. И только один раз прокололась. И кстати, она тоже отлично справлялась. Все были уверены, что она – это я, а я – это она. И тут три месяца кончились. Угадай, что произошло.

То, что и ожидалось, ясен пень. Новое тело – молодое – понравилось и ей, и ее мужу, и они подумали: о, а почему бы его не оставить себе навсегда?

– Так что же? – спросил я.

– Эта сука не обменялась обратно! – воскликнула она. – Я ждала в тот день и час, на который мы договорились, – и

ничего! Я звонила – они не отвечали. Наконец я дозвонилась ей – знаешь, что она сказала?

Да понятно, тоже мне загадка.

– Они просто обращались со мной так, как будто я – это она. Оба! Как будто она – это я, а они действительно случайно встретились на каком-то турнире по гольфу или на какой-то еще фигне, как они всем рассказывают, и сейчас у них роман, и они вместе. И все тут. А мы с ним – то есть типа она с ним – вообще расстались. Уже несколько месяцев как! И поди докажи что-нибудь. Она знает обо мне все. Все! Такую стопку материалов я ей притащила. И дала ей свой личный код! А я вела себя в последние месяцы как она. И что, я вдруг стану утверждать, что я – не та, кого все видели? Подумают: жена ревнует и пытается что-то выдумать. К ним приходили мой брат и его дети, жарили вместе шашлыки! Он звонил моим родителям – мол, сожалеет о публикациях, которые они могли прочитать в газетах, – а он, естественно, сам слил их, – но сейчас он разводится, у него серьезные намерения. И все ей верят. Потому что она отлично играет меня, а я отлично играла ее, а теперь она в моем красивом теле катается с ним на яхтах, как будто они познакомились только несколько месяцев назад, а я торчу в этом уродском теле без гроша. Выяснилось, что месяц назад она «подписала новый финансовый контракт о безвозмездной помощи». Безвозмездность – за мой счет. Она подписала его, уже когда была в моем теле, и решила сохранить деньги на случай, если

я захочу развестись. И все. Но если я соглашусь на развод, то я типа признаю, что я – это она. Короче, меня кинули с двух сторон. И у меня нет ни гроша. И мне нужен ты. Потому что ты – единственное в моей жизни, о чем я знаю, а она – нет. Ты – доказательство, что я – это я.

Что, правда? Я – тот, кто может тебя спа... Так, стоп, я должен этому радоваться?

Как-то обидно. Ты рассказала ей обо всем, кроме меня?

– Давай, что ли, сначала ты докажешь мне, что ты правда Тамар, а не мадам Ламонт, – сказал я.

– Ты мне не веришь?

– Почти поверил. Правда. Просто Тамар, которую я знаю, разбила мне сердце и исчезла из моей жизни, не выходила на связь, а ты как раз выглядишь довольно милым человеком, одно с другим не клеится.

Она сделала грустное лицо.

– Ты прав, – сказала она. – Я повела себя ужасно. Я боялась и думала только о себе, так нельзя. До меня постоянно доходили все эти разговоры о том, что ты делаешь и насколько это законно.

– Но ты ведь понимаешь, что расстались мы не поэтому.

– Поэтому я не вернулась – ну, частично поэтому...

– А ты уверена, что то, что ты делала с Ламонтами, было законно?

Она встала из-за стола, держа в руках стакан с водой, и стала ходить по комнате туда-сюда, посматривая на меня.

– Думаю, нет. Понимаешь, люди меняются. Прошло несколько лет, и я поняла, что повела себя с тобой очень плохо. Но мне было стыдно просто так позвонить, а еще у меня уже был новый парень, и я думала, что тебе это не понравится.

Действительно, могу даже официально заявить, что мне это не нравится. Какой уровень эмпатии, просто невероятно. Дайте ей приз – плюшевого мишку: она попала в десятку.

– Время шло – и это все уходило дальше и дальше в прошлое. Личная мифология, которая растворилась во времени, и мне не хотелось к ней возвращаться. И я не возвращалась. И все. Да, так нельзя было поступать.

Я посмотрел на нее: она стояла у стола, прислонившись к стене, закат освещал ее плечо.

– Когда точно мы встретились в первый раз? – спросил я. Давай выясним это дело и закроем вопрос.

Она уставилась на свой стакан, опустив плечи. А потом ее как будто встряхнуло, она подняла взгляд и сказала:

– Дан?

Подошла ко мне, к свету, и снова спросила, вот этим самым хрупким голосом:

– Дан?

И тут...

Ладно, вы уже знаете, что было дальше, а я не хочу рассказывать еще раз.

Сеть рухнула.

Полицейские больше не могли посидеть в интернете за счет ведомства, но, верите или нет, на работу полиции это повлияло и более существенным образом. Как выяснилось, без связи с центральным сервером они не могут верифицировать мой личный код. Пока я сам не воспользуюсь им, никто не сможет проверить и подтвердить его.

Меня уже дважды допросили о событиях, которые следователь, слишком-молодой-чтобы-быть-следователем-нучестное-слово-это-издевательство, бестактно называл «произошедшее». Где я стоял, что я слышал и так далее. Они исходили из предположения, что это была мадам Ламонт. Я не поправлял их.

Наконец следователь что-то пометил в листке бумаги, который лежал перед ним, и спросил, даже не взглянув на меня:

– Хотите еще что-то добавить?

И тут (еще секунда – и я бы ответил) действительность раскололась надвое.

В одном ее варианте я рассказывал им, что на самом деле это не была мадам Ламонт.

Мадам Ламонт сейчас находится в безопасности в теле Тамар Сапир. А вот Тамар Сапир исчезла с лица земли. Есть ли

у вас доказательства? Нет. Тогда на каком основании вы это утверждаете? Она сама сказала мне, буквально перед тем как ее застрелили. Это уже не так важно, но ладно: у вас были какие-нибудь доказательства? Я сам был доказательством. Я должен был показать, что она знает обо мне то, чего не знает мадам Ламонт. У вас были с ней отношения в прошлом? Да, я любил ее. Ну, то есть она была для меня чем-то важным. Чем-то? Да, понимаете ли. Тогда впервые я стал из-за кого-то переживать, многое тогда случилось со мной впервые. И вы ее любили? Любовь – это громкое слово. Она была чем-то. Тем самым. Ладно, не важно, но у вас нет доказательств, что это действительно она. Нет. Она мертва – и я не могу ничего доказать. Но теперь мы можем связать ее с «произошедшим», потому что ведь дело не в том, что мадам Ламонт пришла к вам за курьерскими услугами и не успела изложить детали. Теперь и вы замешаны в этом деле. В смысле? Например, может быть, вы просто увидели эту Тamar, свою любимую... Нет-нет, не любимую, она просто... Может быть, вы увидели в газете ее фото вместе с Ламонтом – и в вас заговорила ревность? Нет-нет. Я вообще об этом не знал. И тогда вы пригласили мадам Ламонт к себе и теперь пытаетесь намекнуть, что за убийством стоит ее бывший муж? Я знаю, что это звучит странно. Странно? Дружище, вот сейчас вы превратились из полезного свидетеля в подозреваемого. Ваши комментарии?

А в другом варианте развития событий были слова:

– Нет. Больше ничего особого мне не приходит в голову. – И я виновато улыбнулся.

– Напомните, пожалуйста, зачем Ламонт к вам пришла. – Он посмотрел на меня.

– Этого она сказать не успела, – ответил я. – Но думаю, что она хотела, чтобы я доставил какую-нибудь посылку. Я профессиональный курьер и...

– Да-да, – сказал он, – мы видели ваши сертификаты. Вы можете предположить, что она хотела переслать?

– Нет, – ответил я.

И все в порядке. Ну конечно, если пользоваться выражением «в порядке» для обозначения безумного положения вещей, которое нельзя исправить.

Когда еще трое свидетелей подтвердили мои слова о том, что случилось на стоянке, полицейские успокоились. Они нашли ружье, которое убийца оставил в квартире в доме напротив. Я видел, как они прошли мимо кабинета следователя, неся небольшой деревянный ящик, в котором было ружье, и пакет для улик, набитый обертками энергетических батончиков. Снайпер, видимо, проголодался, пока ждал нас.

И все это время полицейские не знали точно, кто я, потому что не могли проверить мой код.

Раз в пятнадцать минут кто-нибудь входил в кабинет и говорил: «Сеть рухнула. Не забудьте задержать его подольше, чтобы удостовериться личность», и все, кто были в комнате, – а с какого-то момента и я тоже – отвечали ему: «Ладно, Ша-

пира, ладно. Мы поняли еще с первого раза. Пошел бы ты лучше кофе сделал».

Раньше было иначе. Когда-то в каждом отделении был особый ответственный полицейский, у которого была только одна должностная обязанность – прогонять ваш код, пять символов, через компьютер, через целый ряд вычислений, которые подтвердят, что вы действительно тот, за кого себя выдаете. Полицейский убеждался, что ваш код соответствует некой математической формуле, что это не просто какая-то придуманная вами последовательность цифр и букв. После этого он извлекал из вашего кода десять подкодов, которые содержали разные данные о вас. Затем выводил из этой десятки новый код – и диктовал его по телефону кому-то, кто сидел в центральном отделении, и тот сотрудник пробивал этот код по старой надежной базе данных. И когда они наконец убеждались, что вы – это действительно вы, в дело вступал еще один полицейский: он отвечал за то, чтобы все следы этого долгого процесса были уничтожены, чтобы никто не мог воспользоваться вашим кодом. Каждый раз все это занимало примерно час.

Теперь все, что нужно, – это просто дать вам набрать ваш код на клавиатуре, накрытой сверху пластиковым щитком, который пахнет как надувной пляжный мяч и который должен не дать остальным увидеть, что вы набираете. Пять секунд – и ваша личность подтверждена. В смысле, ваш код подтвержден. Вряд ли за пять секунд что-нибудь произойдет

с вашей личностью.

Но сеть рухнула, и мне пришлось ждать.

Я сидел в кабинете следователя в одиночестве и ждал, пока меня позовут.

В фильмах вы наверняка видели, что в кабинетах следователей есть такое зеркало, которое отражает только в одном направлении. Кабинет, в котором сидел я, был явно не первого сорта. Там даже зеркала не было. Меня просто затолкали в бывший офис, в котором никто не хотел сидеть, потому что в нем не было окна. Стол, два торшера из «Икеи» по углам, четыре пластиковых стула и один металлический. Мне дали как раз металлический.

Они были со мной очень милы и, признаюсь, доверяли мне куда больше, чем я ожидал. Я-то думал, что мою версию они поставят под сомнение. Но с их точки зрения, я был героем, потому что выстрелил в убийцу на глазах у всех. Никто не хочет подвергать сомнению героизм, если это не прописано в его должностных обязанностях. Поначалу они еще задавали мне странные вопросы: какой у меня пистолет, чем именно я зарабатываю на жизнь, почему у меня нет браслета, но полчаса спустя кто-то позвал их всех в коридор, они вполголоса поговорили за дверью и вернулись гораздо более спокойными и дружелюбными. С этого момента они просто принимали мои свидетельские показания.

Дверь открылась, и на меня уставился уса́тый полицейский.

– Как дела? – спросил он.

– Пытаюсь не думать о простреленной голове, – ответил я. – А у вас?

– Тут кое-что намечается, – сказал он, видимо включив на максимум способность устраняться от чужих проблем. – Нафтали уходит с работы, мы хотим с ним тут выпить на прощание. Может, перейдете в другую комнату?

– Я тут не работаю, – ответил я. – Куда именно надо перейти?

– С кем вы?

– Сам с собой. Жду, пока проверят мой код.

Он кивнул:

– Сеть рухнула.

– Я знаю. Поэтому и жду.

– Но мы сейчас будем тут выпивать.

Очень меня волнует ваша выпивка.

– В честь Нафтали? – сказал я.

– Да, – ответил он. – Можете перейти в другую комнату?

Мы явно заходили в замкнутый круг – и пребывали бы в нем, пока Нафтали не умер бы от жажды, – но тут появился тот самый слишком юный следователь. За ним я заметил еще несколько полицейских. У одного в руках было несколько бутылок, у другого – картонная коробка, видимо с пирожками.

– Этот кабинет нам сейчас нужен для корпоративной процедуры, – сказал следователь. – Подождите снаружи, пока

сеть снова не работает.

Следователи умеют говорить. «Корпоративная процедура». «Подождите снаружи».

– Где мне ждать? – спросил я.

– Мм... пожалуй, посидите там, где рисуют фотороботы, – сказал он.

Издеваешься.

– Фотороботы? – переспросил я. – Неужели такое еще есть?

– Сегодня художник как раз здесь. На этом же этаже, в конце коридора и направо.

Друзья Нафтали уже стали заходить в кабинет. Нельзя слишком долго стоять в коридоре с пятью коробками пирожков.

– Как скажете, – ответил я. По фигу. Нарисуем фоторобот убийцы, который на моих глазах врезался в стену. Вдруг это поможет найти его.

И только через несколько минут до меня дошло.

Казалось бы, уж что-то должно было исчезнуть с изобретением обменов, так это рисование фотороботов. Вообще, вся процедура сбора улики уже казалась безнадежно устарелой. В чем смысл откатывать пальцы или собирать образцы ДНК на месте преступления, если тот, кому они принадлежат, – это совершенно не обязательно тот, кто совершил преступление? Через несколько лет после того, как обмены стали привычным делом, журналисты прозвали полицейских,

собирающих физические следы преступлений, «современниками саблезубого тигра» – в честь животного, которое вымерло десятки тысяч лет назад.

Однако сведения о теле, в котором действовал преступник, еще не полностью утратили смысл. Да, разумеется, во время преступлений, которые похитрее, чем простой грабеж заправки, обычно используются взломанные браслеты, в которых не сохраняются данные об обменах, но, как правило, преступники не настолько хитры. Большинство преступлений совершаются дураками и без особой подготовки. Часто угрозу «я тебе пасть порву» от ее осуществления отделяет одно мгновение, вспышка гнева. И вообще, людей, которым дано строить долгосрочные планы – а без этого не удастся скрываться от властей до конца своих дней, – не много. Неудавшиеся ограбления, случаи, когда ревнивые мужья убивали своих жен или придурки с пружинными ножами вдруг нападали друг на друга в клубе, если не поделили девушку... Во всех этих обстоятельствах нужен был именно сбор образцов крови и отпечатков пальцев. Даже если убийца обменялся с кем-то, первое тело в цепочке обменов было прекрасной зацепкой, а нередко и ценным свидетелем.

У художников, рисовавших фотороботы, фронт работы стал шире. Они больше не просили вас выбрать форму носа или разрез глаз. Они рисовали – по вашему полустертому воспоминанию – целую кучу картинок, в которых пытались ухватить жест, цельный образ во всех его проявлениях. Как

человек пожимает плечами, как наклоняет голову, как поджимает губы, насколько широк у него шаг. Пластика стала значимой частью описания: даже в чужом теле люди чаще всего продолжали вести себя как обычно. Мелкие нервные движения; поза, в которой человек сидит; то, как он вытягивает шею, когда слушает, – все это стало частями огромного отпечатка пальца, не всегда ясного, но богатого деталями.

И вот передо мной сидел полицейский-рисовальщик фотороботов – и занимался пантомимой.

– Когда он был уже за рулем, он сидел и смотрел на вас так. – Вытянул шею, нахмурил брови, изобразил пронзительный взгляд. – Или так? – Пронзительный взгляд, нахмуренные брови, вытянутая шея.

– Ей-богу, я вообще не вижу разницы, – сказал я.

Поскорей бы уже тот шнур подключили к розетке, я наберу свой код и наконец уберусь отсюда восвояси!

– Постарайтесь хотя бы вспомнить, как он смотрел на вас, – сказал художник. – Так? – Бровь туда, бровь сюда. – Или так? – Бровь туда, бровь черт знает куда. Спасите-помогите.

6

Свой код я получил в боковой комнате какого-то офиса, расположенного глубоко в недрах торгового центра в Ашке-

лоне.

О том, чтобы поехать в головной офис в Тель-Авиве или Иерусалиме, не могло быть и речи, как и о том, чтобы вызвать сотрудника на дом. И поэтому меня, мальчика, которому не было еще и тринадцати, рано утром провели через секретный вход, мимо больших мусорных контейнеров на задворках торгового центра, и я оказался в маленькой комнате, где меня уже ожидали два техника, занимавшихся браслетами: один – рыжий, усатый, высокий, с большими жадными глазами, а второй – маленький и толстый, на вид сердитый, со сросшимися бровями и сжатыми губами. Его короткие пальцы все время двигались: большим пальцем он постукивал по четырем остальным. Указательный-средний-безымянный-мизинец-безымянный-средний-указательный – и опять сначала.

Тот, который постукивал себе по пальцам, сидел в углу, положив ногу на ногу, и всем своим видом выражал с трудом сдерживаемое нетерпение. А посередине комнаты сидел рыжий – за столом, на котором располагались пыльный монитор, клавиатура, какое-то черное устройство в форме перевернутой буквы П и несколько блестящих черных браслетов.

Я закрыл за собой дверь, медленно подошел к столу, подпрыгнув, уселся на стул и стал болтать ногами в воздухе.

– Здравствуй, Дани, – сказал рыжий с широкой чеширской улыбкой, – как дела?

– Хорошо, – сказал я, – спасибо.

- Ты ведь знаешь, Дани, зачем ты сегодня сюда пришел?
- Да.
- Зачем?
- Получить браслет.
- Правильно!

Мне были хорошо знакомы такие интонации. Так говорят с детьми – стараясь изобразить ребенка, показаться милым. Я отнесся к этому с пониманием: видимо, ему нечасто приходилось иметь дело с детьми. Он всего лишь хочет быть дружелюбным.

– Сегодня мы сделаем две важные вещи. Нам нужно получить для тебя код и выдать тебе твой первый браслет. Ты готов?

– Готов.

– Отлично! Сначала код. Это длинный ряд цифр и букв, который ты должен хорошенько выучить наизусть и не сообщать никому. Он только твой, понял?

– Понял.

– Даже мне. – Его усы подпрыгивали прямо у меня перед глазами, и я все время пытался сфокусироваться на них. «Смотри, как красиво мы подпрыгиваем, – говорили мне усы, – какая тебе разница, что говорит рот, который под нами?»

– Хорошо. Даже вам не сообщать.

– Ты знаешь, зачем нужен браслет, да?

– Да. Можно обменяться с кем-нибудь другим и пересе-

литься в его тело.

– Правильно! Когда я дам тебе браслет, ты сможешь ввести код, который надо запомнить как следует, чтобы доказать, что ты – это ты. Не важно, в чьем теле ты находишься. Если захочешь доказать кому-нибудь, что ты – это ты, сможешь пойти в отделение полиции или в любое консульство, если ты где-нибудь в далекой стране, – и там у тебя попросят ввести твой код в специальный компьютер и тем самым узнают, кто ты. Знаешь, что такое консульство?

– Да. Здание другой страны.

– Молодец. Благодаря коду полицейские и люди, которые хотят тебе помочь, узнают, кто ты. Даже если ты обменялся много раз и потерялся, ты сможешь прийти в одно из этих мест – туда, где есть такой компьютер, – и доказать, что ты – это и правда ты. В этом коде зашифровано твое имя, ни у кого другого в мире такого кода нет.

– Ясно.

В большинстве случаев после этого заполняли анкеты и брали отпечатки пальцев. Но не в моем. Рыжеусый стал что-то быстро набирать на клавиатуре и одновременно говорил:

– Знаешь, Дани, мало кто получает браслет до семнадцати лет, по крайней мере у нас в стране. Ты – особый случай, раз смог получить браслет в таком юном возрасте.

Это не я особый случай, а мой папа.

– В принципе, дети могут обмениваться уже в семь-восемь лет, но по закону это запрещено, поскольку опасно. Полу-

читать браслет – это большая ответственность, и нужно уметь пользоваться им как следует. Обещаешь, солнышко?

Сам ты солнышко.

– Обещаю, – сказал я.

Он нажал на несколько клавиш, посмотрел на экран, немного наморщил лоб и снова нажал.

– А, вот, – сказал он.

Принтер, который стоял на полу за его спиной, зажужжал и выплюнул маленький листок. Принтера я раньше не замечал, и, когда он внезапно зажужжал, я подпрыгнул на стуле. Так выяснилось, что я все-таки был сильно напряжен.

– Не пугайся, – сказал сотрудник. Он нагнулся и протянул мне сложенный листок. Я взял его и заглянул внутрь. Там был длинный ряд цифр и букв в черной прямоугольной рамке, а над ней и под ней – всякие предостережения, щедро сдобренные восклицательными знаками.

– Это нужно выучить наизубок сегодня вечером – так, чтобы знал только ты, – и потом порвать листок на мелкие кусочки и выбросить. Хорошо, солнышко?

Я сунул листок в карман:

– Хорошо.

– А теперь сделаем тебе твой собственный браслет.

Он взял один из браслетов со стола, положил в перевернутую букву П и что-то набрал на клавиатуре.

Браслет слегка затарахтел, а потом стал пищать – без какого-либо ритма. Наконец он издал длинный «биииииииии-

иип» и замолчал.

Сотрудник вытащил браслет и протянул его мне. Он уже перестал изображать приторную любовь к детям, на его лице была обычная улыбка человека, который завершил работу и улыбается с удовлетворением и облегчением.

Я взял браслет и стал рассматривать: черный ремешок с пряжкой, посередине экранчик, а по бокам – две черные кнопки, почти незаметные.

Я вопросительно посмотрел на сотрудника: можно?

– Не просто можно. Нужно! – сказал он. – Мы же должны убедиться, что он работает, правда?

Дрожащими руками я надел браслет на запястье левой руки и застегнул.

– Посвободнее, – сказал он, – чтобы не слишком давило. Надо, чтобы он просто был у тебя на руке. Необязательно, чтобы он прилегал к коже по всей поверхности.

Я взмахнул рукой, чтобы показать, что мне удалось надеть браслет как нужно.

– Очень хорошо, – сказал он. Вернулась прежняя улыбка. – Теперь давай проверим.

Я посмотрел на черный браслет на фоне моей бледной детской кожи. Он выглядел как-то не так. Не к месту. Как огромные часы ныряльщика на руке младенца.

В нашем классе несколько ребят уже пробовали обменяться.

Шай Гринберг хвастался, что старший брат дал ему свой

браслет попользоваться. Как любой тогдашний противный подросток, он менял браслет по меньшей мере раз в полгода (с ремешком от Кельвина Кляйна! Нет, с изображением певца-которого-когда-то-звали-Принс! Нет, лучше всего – металлический синий, в который встроены еще часы и калькулятор! Фу, debil...), и поскольку можно было обмениваться между браслетами, принадлежащими одному человеку, Шай Гринберг, это хвастливое ничтожество, мог путешествовать вместо своего брата и даже один раз несколько минут обнимался и целовался с его подружкой. Ну, по крайней мере, он так рассказывал.

Но на моей руке браслет выглядел не к месту. Детям нельзя это носить, подумал я.

Раз в пару недель в газете появлялась история о том, как безответственные родители позволили своему ребенку обмениваться, или о том, как террористы или шпионы обменивались с детьми – и, будучи в теле ребенка, собирали нужные сведения. Но чтобы дети получали настоящие браслеты, взаправду, по закону, – этого просто не должно и не могло быть.

– О'кей, – сказал рыжий. – Неплохо выглядит, правда?

Я пожал плечами.

– Это самая простая модель. Такие дают у нас в офисе. Если захочешь более навороченный браслет – попроси у папы. О'кей?

– Хорошо.

– Мы всегда рекомендуем: если покупаешь новый браслет

– сразу введи свой личный код, хотя по закону это необязательно. Но мы не советуем ходить просто с браслетом, ты понял?

– Понял.

– Вот эта кнопочка – чтобы принять предложение обменяться, а вторая кнопочка – ты ее крутишь, и цифры на экране не меняются. Установил первую цифру – нажимаешь, и так для всех цифр. Когда введешь логин – нажми на первую кнопку.

– Логин – это код?

– Нет. Логин – это имя того, с кем ты хочешь обменяться. У каждого есть код, который он помнит наизусть, этот код – личный и принадлежит только ему, а есть еще логин, который он сообщает окружающим, чтобы они могли поменяться с ним. Твой логин записан там же, на листке. Сейчас это DanArbel56, но, если захочешь, ты сможешь его изменить. Хочешь – назовись суперменом! Если логин «супермен» еще не занят, конечно.

Быть суперменом я не хотел. Все хотят быть суперменом. Интересно, кто успел забить это имя первым. И доволен ли он им сейчас.

– Готов? – спросил он.

– Попробовать? Сейчас?

– Да. Давай проверим, все ли работает. А ты поймешь, каково это.

Я пожал плечами.

– Хаим, давай позвоним нашему Дани. – Сотрудник посмотрел на того, кто сидел в углу.

Тот, чернявый, поднял руку, потрогал свой браслет – и кивнул.

Мой браслет тихонько засвистел.

– Это значит, что кто-то звонит тебе и предлагает обменяться, – сказал рыжий. – Ты можешь настроить свой браслет так, чтобы он автоматически принимал предложения от определенных людей, когда они тебе звонят, и даже чтобы он автоматически принимал все предложения, но мы это не рекомендуем. Лучше, если ты сможешь посмотреть, кто тебе звонит, и решить, хочешь ли ты с ним обмениваться.

На экранчике моего браслета появилась бегущая строка с буквами: haimistheking⁹. Мне было интересно, кто был первым haimistheking и почему Хаим, который сидит здесь, согласился быть вторым, а не выбрал другой логин.

– Готов? Тогда нажми на кнопку.

Я нажал.

И поднял взгляд на Хаима, чтобы посмотреть, что происходит с ним, и, пока поднимал голову, понял, что, по идее, я не должен быть в теле, которое может смотреть на Хаима. Хаим просто смотрел перед собой, а когда понял, что он продолжает видеть все то же самое, вдруг удивленно вскинул голову и посмотрел на меня.

Рыжий спросил:

⁹ Хаимкороль2 (англ.).

– Ты нажал?

И тут браслет вдруг издал протяжный звук, похожий на шипение змеи. А потом мне стало обжигать кожу.

Я вскрикнул от боли и увидел, что мой браслет вдруг загорелся, чуть не взорвался у меня на руке. Инстинктивно, не задумываясь, я стал широко размахивать рукой, как человек, который вдруг понял, что угодил рукой в осиное гнездо.

Браслет развалился на части и упал с моего запястья на пол. Шипение продолжалось, огонь уже пожирал черный ремешок. Несколько секунд спустя на полу осталась только кучка пепла.

Рыжий вытаращил глаза, посмотрел на пол, потом на меня, на Хаима и снова на меня. Улыбаться не стал.

– Ты что-нибудь почувствовал? – спросил он коллегу.

Коротышка отрицательно помахал головой.

– Ты в порядке? – спросил он меня.

Я посмотрел на запястье. Кожа покраснела.

– Я немного обжегся, – сказал я.

Он выпрямился, наклонил голову. Помолчал.

– Это... – сказал он. – Этого не должно было произойти.

Он сложил ладони, как монах во время молитвы, посмотрел на меня и произнес:

– Наверное, браслет был неисправный. Давай попробуем другой, ладно? Хочешь пластырь? Или может, промыть руку?

Жжение почти прошло. Где тут кран, я не знал, а идти

одному искать его не хотелось.

– Нет, со мной все хорошо. Попробуем другой браслет.

Второй браслет тоже быстро запрограммировали.

– Давай попробуем так: на этот раз ты позвонишь Хаиму, хорошо? – сказал рыжий и, не дождавшись от меня ответа, начал вращать правую кнопку – набирать номер. Через минуту протянул мне браслет.

– Надень его и нажми на кнопку, как раньше.

Я застегнул браслет на запястье. По экрану уже бежала строка: haimistheking2. Я нажал на кнопку – и браслет мужика, который сидел в углу, стал издавать какие-то звуки. Когда вырасту, я узнаю, что это упрощенная версия припева к одной из песен Синатры.

Хаим посмотрел на меня, вытянул руку и нажал кнопку на своем браслете.

Синатра замолчал.

Мне стало жечь руку.

Ядовитое шипение.

Пламя.

Я стряхнул браслет.

Кучка пепла.

Рыжий отчаянно вздохнул.

– Подожди-ка, – сказал он, обошел свой стол и вышел из комнаты.

Дверь за ним захлопнулась, и комната погрузилась во мрак. Хаим-из-зе-кинг-2 медленно встал с места и нагнулся

над кучками пепла. Протянул руку и попробовал пепел на ошупь. Потом, к моему удивлению, вытянул язык и лизнул кончик пальца.

– Такое дело, огромный гешефт, а в конце выясняется, что с тобой это не работает, во дела! – сказал он и вернулся на свое место.

Я закусил губу.

– Такого я никогда не видел, – продолжил он. – Здесь я работаю уже пять лет и не видел еще ни одного человека, который не может обмениваться. Иногда я сижу там, за столом. Но лучше тут, лучше быть тем, с кем люди тренируются обмениваться. Я хочу поставить в обменах рекорд: все-таки уже пять лет. Знаешь, с каким количеством людей я обменялся за это время?

Он посмотрел на меня, и я понял, что моя роль в этом диалоге – второстепенная.

– С каким?

– Пятьдесят тысяч четыреста восемьдесят два, – ответил он с гордостью. – Но тебя, естественно, я не считаю. Мы пытались так и эдак – но выяснилось, что на тебя это не действует. Не страшно. До сих пор люди прекрасно всю жизнь обходились одним-единственным телом. И ты сможешь. Просто береги свое тело и попытайся достичь в нем как можно большего. И купи велосипед, чтобы можно было быстрее добираться из одного места в другое. Да, это не страшно, не волнуйся. А что касается меня, – наверное, я побью рекорд. Го-

воят, в иерусалимском офисе есть один, который точно так же проверял браслеты и уже обменялся со ста пятьюдесятью тысячами людей! Пусть мне его покажут, пусть покажут, как его зовут, – и тогда поговорим. Но даже если он существует, я еще обгоню его. За всю жизнь у меня будет больше всех обменов.

Он втянул слюну между зубов, уставившись куда-то в угол комнаты напротив. Через несколько секунд он снова посмотрел на меня и сказал:

– Мне кажется, твое дело далеко не так плохо, парень. Может, ты еще спасибо скажешь. Иногда я пытаюсь понять, как на меня действуют все эти обмены. С самочувствием нет проблем, все как раньше, не подумай, но кто знает, какой будет эффект от этого изобретения. Иногда мне кажется, что частички моей души остаются внутри тел – ну, может, не всех, – в которых я побывал. Такие крошки, которые прилипают. Например, иногда я чувствую, что другое тело изнутри шероховатое, а иногда – что оно холоднее или теплее. От каждого тела – свое ощущение. Иногда кажется, что оно велико тебе на несколько размеров, а иногда – что жмет. И это вообще не зависит от реального роста и размера. Это только... только такое ощущение. Может, это связано с тем, насколько велика душа у человека. Сколько места у нее было в теле, как она там умещалась. Ладно, ладно, глупости. Просто такое особое ощущение. Но ты не расстраивайся. Если уж жизнь тебе дала лимоны – делай лимонад. Поди знай, мо-

жет, это и к лучшему.

К горлу у меня подступил комок. Я странный. Я другой. Что-то во мне не работает.

– Надо мной все будут смеяться, – вдруг сказал я.

Он взмахнул пальцем:

– Над тобой будут смеяться, только если ты им дашь это делать. Ты еще покажешь им. Будь мужиком. Скажи им: «У меня душа слишком сильная для этого браслета, у меня душа стойкая. Она решила оставаться здесь, в этом теле, – и остается». Ты не можешь быть как все, ты обязан быть собой. И все. Будь собой – классным, сильным, не обращай внимания на других детей. Дети – это такая гадость, даже не с чем сравнить. Я знаю, сам был таким. И у меня трое таких же. Варвары и хулиганы. Не давай им спуска. И помни, что все – у нас в голове. Покажи им, что ты сильный, что тебе плевать на них, и они поверят в это.

Он нагнулся ко мне и поднес палец, испачканный пеплом, к моим глазам:

– Ты, только ты. Ты злейший враг сам себе. Все остальные – так, статисты. Ерунда.

«Но я просто хочу уметь», – думал мой детский мозг. Речь о способности, а не о врагах. О том, чтобы быть как все, а не оказаться единственным исключением. Хаим посмотрел на меня, издал какой-то непонятный глубокий гортанный звук, и ровно в этот момент дверь открылась и рыжий вернулся с еще несколькими разными браслетами в руках.

Когда сгорел следующий браслет, он стукнул рукой по столу и выругался.

После четвертого браслета он поднял трубку телефона и минут пятнадцать ругался с кем-то, кто был, как выяснилось, «не техподдержкой, а дерьмом». «Как это „такого не бывает“? Оно происходит на моих глазах!»

Пятая попытка была уже только для протокола. Он посмотрел, как горящий браслет падает на пол, и недоверчиво покачал головой. Снова позвонил и коротко, почти шепотом, с кем-то поговорил. Потом – еще два звонка. Время от времени до меня долетали слова «блокировка» и «провал». Наконец решили оставить попытки.

Он запрограммировал последний браслет, темно-синий с двумя черными полосам по бокам и пятью кнопочками, рассыпанными по ремешку.

Протянул его мне – и сказал:

– Этот мы пробовать уже не будем, но я должен выдать тебе браслет. Пока не пытайся обмениваться с его помощью. Я отправлю отчет о твоём случае. Причину исследуют. Может быть, ты просто не способен обмениваться, парень. Дани. Сочувствую. Но это не значит, что ты хуже других, просто на тебя это не действует. Я никогда такого не видел. Но ты не переживай, на заводе проверят браслеты, тебе позвонят и постараются решить проблему. Хорошо?

Я взял браслет и сунул его в карман штанов.

– Хорошо, – сказал я.

Он виновато улыбнулся. Слабой, тонкой улыбкой.

Я слез со стула и вышел на улицу, где в машине меня ждали папа и с ним агент.

С тех пор и до сегодняшнего дня я не слышал ни об одном человеке, у которого была бы та же проблема. Когда заставляешь в самом себе. Когда твоя личность слишком привязана к твоему телу. Когда твоя душа чересчур неподвижна. Называйте как хотите. Я был единственным человеком, который навсегда застрял в собственном теле. Единственной константой.

С завода мне так и не перезвонили.

Рисовальщик фотороботов был недоволен.

– Глаза, плечи – дайте мне хоть какую-нибудь деталь, – говорил он.

– Он находился слишком далеко, – отвечал я. – Как я мог заметить, насколько сильно он прищурился?

– Если вы опишете его фигуру – это мне ничем не поможет, – сказал он. – Труп уже вытащили из обгоревшей машины, его будут изучать. Мы с вами можем попробовать проанализировать только его пластику. В какой позе он был, когда стрелял в вас из дома напротив, как он смотрел на вас, когда мчался на машине по направлению к вам.

Я пожал плечами. В какой позе он стрелял? В позе человека, который целится и стреляет. Ну, честное слово.

– А как он выглядел, когда сидел за рулем? Попробуйте

вспомнить момент, когда он был ближе всего.

– Спокойный. Задумчивый. Очень сосредоточенный.

– О'кей.

– Представляете себе людей в тире? Вот человек встает, закрывает один глаз и держит руки? Вот так.

– Устремленный к цели.

– Да. Только эта цель – я.

Он записал что-то на бумажке. Понятия не имею, почему их до сих пор зовут рисовальщиками фотороботов. Ведь они уже ничего не рисуют. Просто пытаются ткнуть пальцем в небо и нащупать какую-нибудь характерную черту, которой можно было бы воспользоваться.

Он отложил ручку:

– Ладно, хватит. Кажется, больше мы ничего не добьемся.

Спасибо.

– Не за что, – ответил я. Он встал и вышел.

В участке было полно народу: кто-то входил, кто-то выходил.

Полицейский, который сидел рядом со мной, издал радостный вопль и нагнулся к экрану компьютера. Есть шанс, что сеть восстановилась.

На столе, как раз с той стороны, где ждал я, у него был установлен второй монитор. Я пошевелил мышкой и монитор ожил. Я посмотрел, не следит ли кто-нибудь за мной, и немного придвинулся к столу. Зашел на один из новостных сайтов, которым точно не владеет Ламонт. Сеть действи-

тельно снова работала, сайт мгновенно загрузился. Быстрый поиск – и вот заголовок: «При загадочных обстоятельствах убита бывшая жена миллионера». Я кликнул.

Подробностей не было, сообщено было только то, что решила полиция, – чтобы не мешать расследованию. Но вот быстрота, с которой эта статья появилась, поражает. Название моего района, тот факт, что убил ее снайпер, что он целился издалека, что он скрывался с места преступления на машине – и она разбилась, – все это было в статье. Точного адреса и моих слов не было. Цитировали соседей: «Сосед спустился и выстрелил, чтобы остановить убийцу, пока тот не скрылся». Но моего имени, слава богу, не было.

В статье приведена и лаконичная речь Ламонта. Все по шаблону сообщения для прессы, и не факт, что Ламонт вообще имел к этим словам отношение. «Я потрясен этим жестоким убийством. В последнее время мы с Кейтлин отдалились друг от друга – однако вместе мы прожили немало прекрасных лет, и о них я еще расскажу, когда буду вспоминать о ней. Я уверен, что полиции удастся раскрыть это страшное преступление». Я прямо слышу, Ламонт, как ты сидишь в темноте и рыдаешь.

Статья была снабжена двумя фотографиями. Одна – жены Ламонта. Она немного накрашена и поэтому выглядит свежее, чем та женщина, которая встретила меня несколько часов назад. Но внизу была фотография Ламонта с «его нынешней пассией». Снимок сделан папарацци: Ламонт дер-

жит подругу за руку, и они быстро направляются к выходу из какого-то клуба, чуть пригнувшись, чтобы спрятаться от камер. Я не слежу за светской хроникой, новостями особо не интересуюсь. В любом случае я вряд ли узнал бы женщину рядом с ним.

Но теперь мне стало ясно, что искать. Это действительно была Тамар. По-другому накрашенная, с другой прической, более зрелая, в платье, которое ей раньше и в голову бы не пришло надеть. Но это Тамар.

– О'кей, – услышал я голос за своей спиной. – Давайте мы вас отпустим.

Полицейский положил передо мной маленькую клавиатуру, накрытую черным пластиковым рукавом.

– Введите свой личный код, и дело с концом, – сказал он улыбаясь. С серо-голубыми глазами, пожилой – видимо, до пенсии недалеко. В его жестах сквозила легкая беззаботность.

Я опустил руку под пластиковый рукав и ввел последовательность цифр и букв, которую выдали мне тогда, в той маленькой белой комнате. Рукав прикрывал мои пальцы, но полицейский на всякий случай отвернулся и смотрел в другую сторону. Клавиатура звякнула, и на экране сбоку появились мои данные.

– Отлично, – сказал он, – я передам это дальше, Вас отметят во всех бумажках, которые связаны с этим делом. Будьте

готовы, что мы можем вызвать вас для дачи повторных показаний, если потребуется. Хорошо, господин Арбель?

– Да, нет проблем, – ответил я.

– Не обменивайтесь ни с кем, кто находится за границей, не сообщив нам заранее, пожалуйста. Чтобы не пришлось тратить время на ваши поиски.

– Не волнуйтесь, – сказал я, – я очень дисциплинированный гражданин.

Он прищурился и посмотрел на меня.

– Арбель... – задумчиво произнес он. – Вы, случайно, не связаны с...

– Это мой отец, – ответил я.

Он раскрыл глаза:

– А! Я думал, что лицом вы мне кого-то напоминаете... Мой добрый приятель был на месте после... после произошедшего. Я помню подробности этого дела. Соболезную вам. Он был настоящий мужик.

– Да, – ответил я. В таких диалогах трудно придумать хорошую реплику.

– Как вы жили после этого? Кто-нибудь о вас позаботился?

– Жили помаленьку, – ответил я. – То-сё.

Очень надеюсь, кстати, что ты не знаешь, как именно. Часть этих «то и сё» не вполне законна.

Он покивал, говоря:

– Да-да, понимаю вас.

О нет, ты не понимаешь, но мило с твоей стороны, что ты киваешь. Есть люди, для которых даже кивнуть – не барское дело.

– Ладно, – сказал он. – Доброй ночи.

Он повернулся, направился к выходу и вдруг вспомнил:

– Может быть, у вас дома до сих пор находятся следователи. Не пугайтесь, когда придете домой, – и пошел дальше.

И тут, друзья мои, я решил, что возвращаться домой мне совсем не хочется.

* * *

Сорим сказал, что они положили еще что-то. Он не знает, верить ли ему. У Сорима богатая фантазия, парень не раз устраивал всем «приключения».

Несколько лет назад, например, как-то летом Сорим сказал, что в заброшенной хижине у реки поселился лев.

– Наверняка отдыхает там, в тени, – сказал Сорим. – Львы ужасно ленивые.

Они по жару отправились туда и просидели в засаде у дома до вечера. Никакого льва не было. Сорим уверял, что видел его в прошлый раз, когда ходил с мамой к реке за водой, и что мама закричала и велела ему как можно быстрее спрятаться.

Ему трудно поверить, что мама Сорима спряталась или кричала. Уж если так, то, скорее, она должна была погнаться

за львом.

Теперь они больше не ходят к реке. Он уже давно не ходит к реке. Он учит детей в деревенской школе. Арифметике, чтению и прочему. Его мать все время им гордится. Он самый умный в этой вонючей деревне, говорит она окружающим. Если бы не мой сын, вы все бы еще болели. Может быть, когда люди узнают, что, пока он жил в Йоханнесбурге, он почти все время работал грузчиком, переносил вещи тех, кто переезжает с квартиры на квартиру, то не будут так восхищаться. Но сейчас он один из тех парней, которые уезжали из деревни и видели большой мир.

Ностальгия, ностальгия вернула его нам, говорит всем его мать. И теперь он будет учить деревенских детей, чтобы и они могли уехать. Он мог бы остаться там, в ЮАР, продолжать делать деньги и забыть о нас всех, но он хочет помочь детям своей деревни.

Да, мама, как скажешь.

Почти восемь километров до воды. Летом река иногда пересыхает, ее нужно раскапывать, чтобы найти несколько капель. А вода не то чтобы очень чистая. Каждый день полдеревни страдало поносом, остальные мучились болями в животе. В Йоханнесбурге он слышал о проекте по установке колодцев в африканских деревнях. Он написал им с просьбой добавить его деревню в их список. Они попросили его стать ответственным в своей деревне за эксплуатацию оборудования. И тогда он вернулся.

Может быть, в городе он никто, но в деревне он засыпает и просыпается с осознанием того, что всем жителям теперь живется лучше из-за колодца, который выкопали благодаря ему и который он теперь охраняет. Люди из проекта дали ему спутниковый телефон на случай, если будут проблемы. Теперь он важный человек.

Он был уверен, что окажется в самом конце списка, что пройдут годы, пока что-нибудь начнет меняться. Но несколько месяцев назад приехали бульдозеры, и люди в желтых касках взялись за работу. Событие огромной важности.

Новера – довольно большая деревня, почти шестьсот жителей, но даже здесь не каждый день приходится видеть такое. Он общался с рабочими, помогал им устроиться на ночлег, прогонял зевак, которые мешали работе. Меньше чем через две недели в центре деревни, посреди маленькой бетонной площадки, уже стоял металлический агрегат высотой примерно с ребенка. Ответственный сотрудник проекта, местный подрядчик с белоснежными зубами и в рубашке кричащих цветов, объяснил ему и остальным взрослым жителям деревни, как управляться с колодцем. Рабочие привезли с собой новенькие пластиковые ведра и велели жителям хорошенько вычистить свои – иначе вся работа насмарку. Теперь есть чистая питьевая вода, никому не придется ходить на реку. У жителей появилось несколько лишних часов в день. Они отдыхают, играют с детьми, больше работают. Болезней меньше, еды больше. Лучше быть тем, кто де-

лает важное дело в своей маленькой деревне, чем никем – тем, кто делает чуть больше, чем ничего, – в большом городе, разве нет?

– Помнишь, с ними приезжала женщина? – спросил он. – Высокая такая?

Да, он помнит. Ее звали Кармен. Она совсем не подходила ко всему этому действу. Почти все время сидела в палатке, которую они себе поставили. Ей мешали жара и чужие взгляды. Слишком нежная для этого места. Иногда, если она все же выходила из палатки, она бродила по окраинам деревни, пытаясь завязать разговор с местными, которые не очень-то понимали английский язык.

Он хотел поговорить с ней, увидев ее как-то утром; она стояла на краю деревни и смотрела вдаль. У него был неплохой английский, но она только устало ему улыбалась и извинялась: мол, плохо спала ночью. Он спросил, кем она тут работает, она ответила, что руководит частью проекта. Отвечает за что-то с длинным названием (он расслышал не все слоги). Он удивился, что она тут делает. Руководители, которые были у него в Йоханнесбурге, не старались показать себя ударниками труда. Иногда они обменивались телами с кем-нибудь на месте, задавали несколько вопросов другим рабочим, убеждались, что все работает как надо, и давали указания на ближайшие дни. Когда он спросил, почему она не обменяется с кем-нибудь из рабочих, как остальные начальники, она пожала плечами и посмотрела куда-то за го-

ризонт. «Чем меньше обмениваешься, тем лучше», – тихо ответила она.

– Она привезла с собой такую маленькую штуку, – продолжал Сорим, – железный шарик, блестящий такой. У нее были в подчинении двое рабочих – и как-то раз я увидел, что они работали вне деревни.

– Видимо, проверяют, нет ли других подходящих мест для колодца. Не всегда можно построить колодец посреди деревни. Зависит от того, где есть вода.

– Нет-нет. Не воду они искали, – утверждает Сорим. – Они закопали его в землю, этот шарик.

Непонятно, что Сорим видел на самом деле. Когда он жил в Йоханнесбурге, у него голова пухла от попыток понять, как действуют все эти приборы. Экраны, на которых видно людей, сидящих в комнатах за тысячи километров от тебя, браслеты, которые позволяют обмениваться телами, шары, которые освещают ночью улицы и зажигаются сами собой, говорящие карты в машине. В деревне ты почти не сталкиваешься с такими технологиями. Машины, камеры, редко – спутниковые телефоны. А за ее пределами оказался целый мир приборов, которые работают не то как волшебство, не то как черная магия. Может быть, эта женщина определяла местонахождение деревни или закладывала защиту для колодца, – существует тысяча и одна возможность, о которой они не знают.

Но Сорим настаивал, чтобы он пошел с ним.

И вот они уже шагают, несмотря ни на что, к высокому дереву, отбрасывающему широкую приятную тень, в нескольких сотнях метров от деревни.

Сорим обходит вокруг дерева, нахмурившись, с бегающими глазками, бормочет что-то про себя, пытается вспомнить и наконец издает победный вопль и показывает на землю.

Он смотрит, следит за пальцами Сорима и видит маленький бетонный прямоугольник – посреди пустыни. Это уже любопытно.

Команда, которая приехала рыть колодец, работала основательно. Рабочие привезли с собой еду и все необходимое оборудование, заранее объяснили ему, что нужно, а что не нужно готовить к их приезду. Это была не первая деревня, в которой рыли колодец в рамках проекта. Такое происходило в десятках других деревень. Команда была опытной и квалифицированной, – это было видно. «Мы летим на вертолете и не берем с собой ничего лишнего, внимательно следим за весом на борту, – сказал ему руководитель команды, когда он попросился как-то раз полететь с ними. – Вся наша работа оплачивается из благотворительных пожертвований, и за нами следят, чтобы мы ничего не растратили. Чтобы не жгли лишнего бензина, не брали лишней еды. Все ради одного – выкопать колодцы как можно лучше. Если мы будем тратить деньги направо и налево, наши спонсоры обнаружат это и перекроют кран».

Но как выяснилось, они привезли и еще кое-что. Здесь, за

пределами деревни, они строили еще что-то кроме колодца.

Сорим и его спутник копают. Почва неподатливая, но им некуда спешить. Постепенно их глазам открывается серый бетонный куб. Они вытаскивают его из земли. Сорим смотрит на него и качает головой.

Нет, об этом с ним не договаривались. И Сорим бежит в деревню.

Возвращается он с тямкой и кайлом, а с ним вместе прибегают несколько заинтересованных деревенских жителей.

Они разбивают бетон кайлом, и бетон потихоньку крошится. Солнце жжет немилосердно. Кто-то из жителей деревни приносит бутылку воды из колодца. Они пьют – и продолжают работать.

Примерно через час из бетонной массы они вынимают металлическую банку. Сорим и его спутник хватаются за крышку и медленно, с большим трудом поворачивают ее. Из-за бетона крышка все еще крепко держится. Они стучат по банке и по крышке, расшатывают сцепление.

Наконец на закате им удастся открыть банку.

Внутри на четырех металлических прутиках закреплен железный шарик размером примерно с кулак.

Он вынимает шарик и рассматривает. Волшебство и магия. Он точно не сможет понять, что это такое. Металлический шарик, который изрезан вокруг двумя бороздами. Там, где борозды пересекаются, – маленькая красная точка. Кажется, она медленно мигает.

Они берут этот шарик с собой в деревню. Открытая банка и разбитый бетон остаются под большим деревом. Интуиция не предвещает ему ничего хорошего, но и ничего плохого. Он знает, что вещи часто оказываются не тем, чем кажутся, особенно если это технологии городских людей.

Вечером в деревне будет жаркая дискуссия. Кто-то будет сердиться, кто-то попытается всех успокоить, и все попросят, чтобы он сам высказался, и ему придется поделиться своими сомнениями и размышлениями. Люди будут повторять: «использовали», «доверие», «вода»... Они решат дать шарик тому, кто отнесет его куда-нибудь подальше. К реке, а может, еще дальше. На него свалят обязанность связаться с руководителями тех, кто рыл колодец, и потребовать объяснений. Снова поблагодарить их за то, что колодец появился, но объяснить, что за спиной у жителей делать ничего нельзя. И если есть еще такие шарики, жители хотят знать, какова их функция.

Они подозрительны. Слишком долго им обещали что-нибудь, а потом просто использовали их: забирали то, что им принадлежало, и обманывали. Он не думает, что шарик чем-нибудь плох. Он до сих пор уверен, что колодец – это благо. Неужели он уверен в этом только потому, что сам добился его появления?

Он выполнит возложенную на него обязанность, понятное дело. Завтра нужно будет дождаться подходящего часа, позвонить им по спутниковому телефону и узнать, что это та-

кое. Он пойдет спать в своей маленькой комнате, в низкой постели, с уверенностью, что утро вечера мудренее.

А когда проснется, он снова окажется в большом городе.

7

Я задумчиво бродил по остывшим улицам, чтобы свежий воздух избавил меня от тошноты: тошнить начинало всякий раз, когда я вспоминал о событиях сегодняшнего дня. В конце концов я добрался до своего любимого паба «Паопаб».

Если отвлечься от идиотской игры слов, это почти идеальный паб.

Маленький, но не тесный, темный, но не мрачный, там все время кто-то сидит и ты можешь уединиться или, наоборот, завязать разговор с кем-нибудь незнакомым, кто сидит через стул от тебя. Несколько закусок, к которым легко пристраститься и которые примиряют тебя с действительностью, потрясающий ассортимент сортов пива – и местных, и заграничных. Я любил здесь сидеть, смотреть баскетбольные матчи на маленьком экране над стойкой или усаживаться в укромном уголке, в одиночку или с дамой, которой удалось оценить то интересное, что появляется во мне после трех стаканов пива (или больше).

За боковым столом иногда сидел Бени с неизменным стаканом «Гиннеса» и раздавал посетителям шоколадные кон-

феты, которые делала его жена. Это владелец бара, спокойный и смешливый человек, повидавший в жизни немало¹⁰. На носу у него очки в толстой оправе, всякий раз рядом с ним кто-нибудь сидит и он рассказывает сочные истории о разных странных местах, полные интересных подробностей.

Но в тот день Бени не было. За широкой стойкой возвышался молчаливый бармен, смотрел на экранчике фильм без звука. Когда я вошел, он взглянул на меня и тут же ринулся к пивным кранам. Дом – это место, где знают, что ты пьешь.

Я подсел к стойке, он поставил передо мной стакан, полный золотого, этого золотого¹¹, и я почувствовал, что в мою жизнь возвращается вменяемость. Что-то определенное и известное, на что можно положиться. Я поднес стакан ко рту, начал пить большими жадными глотками, как утопающий, который, попав на берег, иступленно глотает воздух.

Гиди ответил после второго гудка.

– Как дела, дружище? – спросил он. Естественно, это был не его голос. На этот раз голос был хриплый и прокуренный. По работе Гиди часто менял тела как перчатки. Встречаясь с клиентами, он обычно пребывал в одном «представительном» теле, которое арендовал с почасовой оплатой. Высокое, отлично сложенное, приятное, с глубоким голосом. А для сбора сведений он всегда использовал тело, которое при-

¹⁰ Главный герой предыдущего романа Й. Блума «Руководство к действию на ближайшие дни». – *Примеч. перев.*

¹¹ Парафраз Быт. 25: 30: «Дай мне красного, этого красного». – *Примеч. перев.*

влекает как можно меньше внимания. За последний год в его собственном теле я видел его раза три – а ведь это самый близкий мне человек¹². Когда звонишь ему, никогда не знаешь, какое воплощение услышишь. Сейчас, как мне показалось, он был в теле женщины за пятьдесят, полной кудрявой блондинки.

– Не хочешь приехать на полчаса в «Паопаб» посидеть со мной? – предложил я. – Я угощаю.

– Мм... Сейчас мне не очень удобно.

Я оглянулся, ища кого-нибудь, кто выглядел бы скучающим или нуждающимся в деньгах – или и то и другое вместе.

– А что ты сейчас делаешь? Я найду кого-нибудь, кто будет готов обменяться с тобой на полчаса. Приезжай, посидим, потом поедешь домой. А похмельем будет мучиться он.

– Нет-нет, ты не понял, – сказал он. – Я на работе. Я не могу сейчас приехать.

– На работе? Что на этот раз?

– Собираюсь засечь измену тут, в одной гостинице. Я заплатил горничной и обменялся с ней на ночь. Надеюсь добыть доказательства.

– А где ты находишься? Спрятался и ждешь в шкафу в номере, что ли?

– Нет, идиот. Они еще не приехали. У меня перекур – там, где курят горничные. Осматривать комнаты я пойду позже. Но уйти или обменяться сейчас не могу. Не хочу, чтобы меня

¹² По правде говоря, мой единственный друг. – *Примеч. авт.*

стали подозревать. Точнее, ее.

– Ты что, не можешь засесть в засаде с биноклем в парке напротив, как нормальный частный детектив?

– А ты что, застрял в фильме из шестидесятых? Нормальные детективы давно не сидят в засаде с биноклем.

Я допил пиво и с силой поставил стакан на стойку. Бармен посмотрел на меня, улыбнулся и молча подошел налить второй стакан.

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал я. – Мне нужен совет.

– Говори, у меня еще минут десять.

– Вот уж спасибо!

– Ой, ну ладно, давай уже рассказывай.

– Ты видел новости о Ламонтах? – спросил я.

– О жене? Да, конечно, – ответил он. – История сочная, как стейк из молочного тельека. Все сайты перепечатают ее, но пока стесняются выставить в качестве главной новости. Впрочем, у них информации пока слишком мало.

– Я там был.

– Что? Когда это произошло? Ты видел машину и все прочее?

– Более того. Я был свидетелем самого преступления. Это произошло у меня в квартире.

– Что?! Ты серьезно?

Я рассказал ему о встрече с Тамар, о том, что она рассказала, о выстреле и о том, как я гнался за тем, кого считал

убийцей. Время от времени он прерывал меня, задавал уточняющие вопросы. Когда я все сказал, он молчал, не говорил ни слова.

– Ну и дела, – сказал он наконец.

– Да, – ответил я. – Это... это было отвратительно. Чудовищно. Это было слишком реально. Одна пуля попала в голову, лужа крови растеклась на полу. Просто слишком реально.

– Ты уже был в полиции?

– Да. Только что вышел оттуда.

– И рассказал им обо всем?

Тут я засомневался.

– Да. Точнее, почти обо всем.

– Почти?

– Я не рассказал им о Тамар, – ответил я. – Не сказал им, что внутри, скорее всего, была Тамар.

– Ты идиот?! Это же самое важное!

– Я рассказал, что Ламонт приходила ко мне посоветоваться о курьерской работе, что я не узнал ее. Это, кстати, наполовину правда: поначалу я действительно ее не узнал.

– Почему?

– И еще я рассказал им о выстреле, описал все, что видел.

Но рассказывать о Тамар мне показалось неловко.

– Ты спятил? Почему ты не рассказал им?!

Действительно, почему я не рассказал им?

Потому что боялся, что это переведет меня в разряд по-

дозреваемых. Потому что у меня нет доказательств. И почему я должен сообщать им эту не вполне законную деталь? А может... Что это был за тихий голос, который как-то умудрился убедить меня, что Тамар – это мое, только мое, чем я не имею права делиться? Пусть лучше думают, что убита Кейтлин Ламонт. Ведь убийство Кейтлин Ламонт будут расследовать как надо, не жалея денег, а убийство Тамар Сапир – не факт...

Тамар – моя, и я не хотел рассказывать о ней. Я узнал секрет и не хотел им делиться. Ведь в любом случае...

– ...Никто мне не поверит. Это просто переведет меня в разряд подозреваемых: теперь я тоже буду причастен. У меня нет доказательств, – сказал я Гиди, – теперь это уже не важно.

– Сейчас я все брошу и приеду в «Паопаб» только для того, чтобы дать тебе по морде. – По хриплому голосу курящей горничной было явственно слышно, как он терял терпение. – Это важнее всего на свете!

– Но у меня нет...

– Это мотив! – закричал он. – Если эта история – правда и Тамар действительно была в теле Кейтлин Ламонт, у Ламонтов есть тысяча причин избавиться от нее.

– Я... – Мне кажется, честно говоря, что эта мысль промелькнула у меня в голове. Да, она, видимо, промелькнула и оставила следы, поставила палатку, накрыла стол, достала гитару...

– Ты debil. Тamar пробовали убить. Пробовали – и убили. Ты скрыл от них самое важное.

– Я... я не понимаю, как это не пришло мне в голову, – ответил я.

Гиди помолчал и наконец сказал:

– Пришло-пришло, и еще как, а ты врун.

– Я...

– Ты думал об этом – и решил не рассказывать.

– Но мне же точно не поверят, – сказал я.

– Почему нет?

– Потому что мое слово будет против...

– Против кого? Против чьего слова?

– Против слова Ламонта, – тихо сказал я.

– И?

– И если в этом деле действительно замешана Тamar, а я – единственный, кто это знает...

– Именно так, – ответил он.

Значит, теперь и я на прицеле. Если я знаю, что это была она, то я следующий. Потому-то я и не хотел рассказывать. Не потому, что Тamar только моя, а просто потому, что я трус.

– Послушай-ка меня, – сказал Гиди. – Мне уже надо идти, поэтому слушай внимательно.

Слушать я не хотел. Он собирался сказать мне правильные вещи, но я не очень-то хотел их услышать. Мой мобильник тем временем вибрировал – новый входящий звонок. Я

посмотрел на экран. Номер незнакомый. Я могу ответить на этот звонок и избавить себя от необходимости слушать правильные, но неприятные советы Гиди. Но нет, я не смог. И снова поднес мобильник к уху.

– Сейчас ты встаешь, – сказал он, – платишь и возвращаешься в участок. И рассказываешь им обо всем. Включая то, что рассказала тебе Тамар. Даже если ты сам в этом не уверен, даже если может оказаться, что это двойное вранье: что к тебе приходила мадам Ламонт и она пыталась тебя использовать. Или вообще кто-нибудь третий. Не тебе решать, что важно, а что нет. Ты просто должен рассказать.

И что тогда? Либо мне не поверят – и я сам окажусь в опасности, либо поверят – и я окажусь в опасности.

– Если в этом есть хоть крупица правды, это мотив. А это значит, что есть неплохой шанс, что Ламонт пытался заставить ее молчать. И они будут тебя охранять, для них ты станешь важным свидетелем, которого надо беречь как зеницу ока. Я знаю, что ты сам об этом думаешь...

А что я думаю? Я думаю, что мне нельзя полагаться на них, что я не могу на них положиться. Я уже видел, чего стоит их защита свидетелей. Они не смогут меня защитить. Я не могу переместиться в другое тело, и они не смогут меня уберечь...

– ...Но с тех пор, как с твоим отцом произошло то, что произошло, многое изменилось, и, если ты убедишь их, что твоя информация важна, они будут тебя охранять, честное

слово. Нельзя скрывать эту информацию.

– Но...

– А если они узнают об этом как-нибудь еще – из данных браслетов или каким-нибудь другим способом, – ты автоматически превратишься в одного из подозреваемых. Понимаешь?

Знаешь что, я ненавижу тебя.

– Да, понимаю, – сказал я. – Но, Гиди... Если я расскажу им слишком много, они начнут копать. И узнают обо мне всякое разное. Ну, ты понял.

– Дан, послушай, мы не во всем согласны, но мы оба знаем, что именно это сейчас надо сделать. Ты умный парень, я тебя знаю. Иди сейчас и расскажи им. Если они узнают что-нибудь не то о тебе, мы будем решать эту проблему, когда она возникнет. А теперь вставай и иди в полицию. Я позволю тебе, когда смогу. Сейчас мне пора, – сказал он.

– Послушай, Гиди, я... Может, лучше будет, если я сначала найду какое-нибудь доказательство тому, что она рассказала? Иначе... иначе это просто будет без толку. Это будет риск без...

– Пока. – Он положил трубку.

Отлично. Последняя его угроза звучала маловероятно. Уж если кто-нибудь вроде Ламонта планирует обмен так, чтобы не оставить следов, то он не будет пользоваться браслетом, записи в котором можно проверить. Он воспользуется взломанным браслетом. Поверьте мне, я в этом понимаю.

Я снова оглянулся, посмотрел, кто сидит в пабе.

С одной стороны обнимается парочка, с другой – трое солдат смеются над грубой шуткой. Через два стула от меня сидел пожилой человек в кепке. Перед ним стоял стакан, полный наполовину, а сам он уткнулся в экран телевизора.

Обычные люди не знают этого мира. Девяносто девять процентов населения носят легальные исправные браслеты. Газеты, может, и пишут о всяких экзотических и странных обменах, но как раньше большинство людей ездили на машинах, чтобы добраться из точки А в точку Б, а не для того, чтобы скрыться от полиции, так и сейчас они покупают браслет одного из крупных производителей, выбирая прежде всего хороший дизайн и всякие функции (возможность синхронизировать его с телефоном или отложенный обмен).

Им важно, чтобы браслет был водостойким; возможно, им важно, чтобы у него была гарантия на три года, на пять лет, на всю жизнь. Но в результате они используют его только для того, чтобы встречаться с друзьями в более молодом теле, чтобы иногда ездить в отпуск, чтобы осуществить какую-нибудь мечту или отдохнуть от изматывающего воспаления легких. Девяносто девять процентов.

И поскольку они законопослушные граждане, их не беспокоит, что браслеты хранят историю их обменов. Приватность? Да ладно. Так удобнее всем. Можно идти по улице и не бояться, что кто-нибудь пырнет тебя ножом – и тут же «сбежит» в другое тело, не оставив никаких следов. А риск,

что полицейский задержит тебя за нарушение общественно-го порядка на какой-нибудь шумной вечеринке и обнаружит, что пять лет назад ты совершил какой-то стремный обмен, не так уж страшен. Да ну, пустяки.

Если вам нечего скрывать, то нет причин напрягаться по этому поводу. Приватность ушла в прошлое.

Я встал из-за стойки и направился в туалет.

У входа туда все еще висел старый проводной телефон.

Людей, которые хотят, чтобы никто не знал, где они, что и как, становится все меньше.

Это могут быть анархисты, борцы за права человека, действующие в тех местах, где не стоит бороться за права, журналисты-расследователи, эгоцентричные параноики, которые уверены, что весь мир сгорает от любопытства и жаждет узнать, что не далее как на прошлой неделе они обменялись с одним смазливym испанцем и пытались кадрить девиц на пляже в Барселоне. (В какой-то мере они правы: мир и правда хочет знать о них такие вещи. Но только чтобы получить возможность что-нибудь им продать.)

Если ты хочешь заполучить взломанный браслет, с которым сможешь обойти законы, тебе надо лишь связаться с нужными людьми и заплатить установленную сумму.

Я знаю, я ведь был взломщиком.

— Алло, полиция.

— Здравствуйте. Я могу кое-что сообщить об убийстве Кейтлин Ламонт.

Еще несколько лет назад легальная работа была для меня неприемлемой. Я не пытаюсь приукрасить действительность. Ведь каждый отвечает за свой собственный выбор, и, видимо, на одной из дорог, которыми я ходил, раз или два я повернул в неверную сторону. Одно тянет за собой другое, и в результате я стал учиться, как открывать браслеты, разбираться в их внутреннем механизме и вынимать из него элементы, которые мои клиенты называли «нежелательными», не затрагивая самого главного – способности браслета осуществлять обмены.

Взломанным обычно называли браслет, который не сохранял историю. С помощью него можно обмениваться снова и снова и невозможно установить, кто пользовался этим браслетом раньше. Но были и другие виды взлома.

Браслеты, в которых можно было закодировать другого пользователя, выдать себя за другого без его ведома.

Браслеты с ограничением количества обменов.

Браслеты, которые автоматически принимали сигналы от нескольких номеров: вы могли втюхать такой браслет кому-нибудь, в тело которого вы захотите «сбежать» в будущем, даже если он не разрешит вам обменяться с ним по доброй воле.

Когда занимаешься этими вещами, то всегда рассказываешь себе сказки, чтобы не чувствовать себя преступником. Я взламывал браслеты, чтобы «охранять приватную сферу их владельцев». Некоторые люди утверждали, что пользова-

лись взломанными браслетами, чтобы шпионить за тайными правительствами или чтобы перестать быть жертвой семейного насилия – уйти, не оставив следов. Никто из взломщиков не хочет думать, что такие браслеты позволяют красть, похищать людей и совершать другие преступления, не опасаясь, что тебя найдут и вычислят.

Я сидел в дальней комнатке, вход в нее был через парикмахерскую, в которой ни один мастер не умел стричь. Вместе со мной располагались еще трое таких же взломщиков. Мы работали в темноте с маленькими лампочками, которые освещали только небольшую часть стола, в полной тишине. На момент, когда я этим занимался, наиболее уязвимыми были крупнейшие производители. Некоторые из их браслетов можно было взломать, не открывая. Достаточно было положить рядом с ними прибор, установить беспроводную связь и изменить настройки. Проще простого. Браслеты фирм поменьше были крепче. С этими производителями у нас велась гонка вооружений. Каждый раз, когда кто-нибудь изобретал способ взломать браслет, об этом становилось известно в интернете в считанные дни. И тогда производители выпускали новую модель, с новыми степенями защиты, и снова мы искали способы обойти кордоны. Шести рабочих часов в день хватало, чтобы зарабатывать много и чувствовать себя членом секретной высокоинтеллектуальной профессиональной гильдии. По ночам я изучал новые модели, а днем склонялся над браслетами под светом

маленькой лампочки.

Начальником у нас был Карлос.

Он был старше нас, и причины открыть такое дело у него были идеологические: свобода личности и прочие такие глупости. Он был грузный, его лысина отсвечивала под флуоресцентным светом, он тяжело дышал, а пальцы у него были толстые, но быстрые. Всякий раз, когда кто-нибудь из нас приходил на работу в недостаточно, на его взгляд, хорошем настроении, он рявкал.

– Боже, вы просто чокнутое поколение, – говорил он. – Вы же могли родиться в любой момент человеческой истории с тех пор, как появился гомо сапиенс, но почему-то родились именно сейчас. Сегодня, чтобы наслаждаться жизнью, а не просто выживать, не нужно быть аристократом или богатым наследником, и тем не менее вам удастся впасть в депрессию.

С течением времени Карлос понял, что идеологии в нашей деятельности не много. Он, как и мы, видел, кем процентов на восемьдесят были клиенты, заявлявшиеся к нам в комнатку за парикмахерской. На каждую женщину, пережившую побои, которой мы давали возможность бесследно исчезнуть, приходилось восемь взломщиков, которым записи в браслетах нужны были в качестве алиби.

Вскоре после того, как я ушел, мне стало известно, что ушел и Карлос. Ходили слухи, что он ударился в религию. Это меня не удивило. Через несколько месяцев после того,

как я, которому тогда еще не исполнилось восемнадцати, начал работать в этой мастерской, я проходил мимо угла, который Карлос называл «своим офисом», и увидел, что он читает газету, качает головой и ругается. Я поинтересовался:

– Что случилось?

– Сволочи, – сказал он. – Один мужик захотел обменяться с другим навсегда и надел на него браслет, пока тот спал, обменялся с ним, а потом убедил его, что его душа вознеслась во сне и по ошибке вернулась не в то тело.

И снова недоверчиво покачал головой.

– Пользоваться верой других, чтобы манипулировать ими, – это просто низко, – сказал он.

– Многие верят в самые разные вещи. Особенно сейчас, когда появились браслеты.

– Каждый находит способ приспособить браслет к тому, во что он верил раньше, – он махнул рукой, – нет ничего нового под солнцем¹³.

– А во что вы верите? – спросил я.

Он поднял на меня глаза.

– В тихих мальчиков, которые делают свою работу, – сказал он мне. – Вернись на свое место, мальчик.

Я повернулся и пошел, но тут услышал из-за спины:

– Знаешь что? Пожалуй, я скажу тебе.

Я посмотрел на него, и он сказал:

– Я верю, что если бы соотношение силы тяжести и элек-

¹³ Еккл. 1: 9. – *Примеч. перев.*

тромагнитной силы было чуть иным, то не произошло бы взрыва, и не образовались бы звезды – как сейчас образуются суперновые звезды, – и вещества, из которых состоит все живое – кислород и углерод, которые образуются в ядрах этих звезд, – не распространялись бы в космосе. Я верю, что сила тяжести мощнее, чем слабое ядерное взаимодействие, ровно настолько, чтобы в этих звездах мог получаться гелий.

– Карлос, я не очень понимаю, что...

– Кроме того, я верю, что если бы сильное ядерное взаимодействие было бы всего на два процента мощнее, чем есть, то все протоны во Вселенной соединились бы еще во время Большого взрыва. А если бы оно было мощнее на десять процентов, то химии не было бы вообще: вся материя в мире присоединилась бы к ядру атома, а вокруг не было бы ничего. Я верю, что плотность межзвездного вещества тоже четко определена. Если бы она была слишком высокой, Вселенная очень быстро вернулась бы в первозданное состояние и времени, чтобы что-нибудь появилось, не осталось бы, а если бы она была слишком низкой – не было бы достаточно вещества, чтобы образовались галактики.

– Хорошо-хорошо, я пошел работать...

– Что я пытаюсь сказать, ханурик, – а это лишь несколько примеров из длинного списка, который я, так и быть, не буду тебе оглашать полностью, – что самые основные параметры сил во Вселенной, от заряда электрона до величины силы, которая заставляет галактики отдаляться друг от дру-

га, переменные, которые включены во все уравнения, – находятся аккурат в том интервале, который позволяет Вселенной поддерживать то, что мы называем жизнью. Несколько маленьких шестеренок, которые кто-то устанавливает ровно так, как надо. Есть долгая цепь событий – космического и локального масштаба, – которые должны были произойти, чтобы запустить процесс эволюции. Маленький шаг в ту или иную сторону – и Вселенная осталась бы пустой. Так что либо существует бесконечное множество вселенных, в каждой из которых свой набор переменных, и мы существуем только благодаря тому факту, что в нашей Вселенной набор оказался удачным, либо есть одна-единственная Вселенная с набором переменных, который был тщательно подобран.

– Тщательно подобран кем?

Он откинулся на спинку кресла и снова раскрыл газету:

– Поди знай. Но между вариантом с бесконечным множеством вселенных, которые недоступны взгляду и существование которых доказать невозможно, и вариантом с одной Вселенной, которой управляет нечто, недоступное взгляду, существование чего ровно так же невозможно доказать, я бы выбрал одну Вселенную. Но это не делает меня верующим, ханурик, от моих убеждений до какой-нибудь религии топтать и топтать.

Ну, очевидно, что в конце концов он дотопал.

Благодаря этой мастерской взлома браслетов я познакомился с Гиди. Он пришел, чтобы мы сделали для него кое-

какую «серую» работу.

Есть вещи, которые частный детектив имеет право делать, если он получает на это особое разрешение. Как и полицейскому агенту под прикрытием, детективу можно, например, стереть какой-нибудь обмен, если они смогут убедить власти, что запись о нем может представлять для кого-нибудь опасность. Он мог пойти к «официальным» взломщикам, список которых публикует министерство юстиции. Но Гиди решил пойти к нам.

– Там не протолкнешься, – объяснил он. – Полно народу приходит, чтобы заново запустить браслет после приступа. А я не хочу ждать так долго.

Еще он, видимо, думал, что мы лучше. Он приходил к нам несколько раз, долго присматривался и наконец пригласил меня выпить пива.

Гиди умеет убеждать. Это факт: меня он убедил уйти с этой работы. Мы были знакомы достаточно долго, я рассказал ему о своей ситуации, и он спросил, чем бы я занимался, если бы не был взломщиком. Я ответил, что в детстве думал, что больше всего мне подошло бы работать курьером. Ездить повсюду, смотреть мир, извлекать из моей проблемы выгоду. И он заставил меня оживить эту идею – всего за полчаса. Конечно, это возможно, это отличная мысль, почему же я вообще решил работать взломщиком. Курьером я стану больше зарабатывать, буду сам себе хозяин, и все будет легально.

Итак, когда я проработал четыре года взломщиком браслетов и уже подумывал об открытии собственной мастерской, он помог мне создать новую историю о своем прошлом, получить необходимые документы и лицензии. И действительно, теперь я зарабатываю больше. Он был прав.

А мне очень не нравится, когда он оказывается прав, — еще с тех пор.

Так что если Ламонт или его жена планировали все заранее, они, видимо, пользовались браслетом, по которому нельзя проследить за обменами. Вполне возможно, что браслет Тамар был одноразовым. Он позволил ей переместиться из своего тела в тело мадам Ламонт, но не сохранил никакой записи об этом и не позволил обменяться обратно. А если они подготовились действительно хорошо, то они точно скопировали историю обменов из оригинального браслета Ламонт в тот, который дали Тамар. Это трудно, потому что записи закодированы, но возможно. Я знал хакеров, которые умели это делать. Уверен, что и Ламонт знал. А если не он сам, то кто-то из его подчиненных.

Если он смог найти того, кто застрелил двойника его жены, то он может найти и хорошего хакера, который сумеет уничтожить улики.

Я вернулся в бар. Мой стул никто не занял: меня не было совсем недолго. Пьянчужка, сидевший рядом, все еще пялился в телевизор.

Еще несколько минут, и сюда точно приедет полиция. Те-

лефон паба вычислят и пошлют сюда наряд, чтобы узнать, кто звонил. Но у меня еще есть в запасе несколько минут. Еще один стакан пива – и в дорогу.

Но не успел я устроить свою задницу на стуле, как телефон снова зазвонил.

– Алло?

– Ой, ну наконец-то, – услышал я женский голос. – Я уже думала, что ты не ответишь никогда.

– Что, простите?

– Я звонила раз десять. Что там у тебя?

Я был в полиции. Был в шоке. Мой телефон был в беззвучном режиме. Я не подходил к нему. Какой из этих ответов тебе больше нравится? Выбери, что ли, сама...

– Кто это?

– Это я.

– Лучше бы поподробнее.

– Это Тamar. У меня был приступ. Я тут в каком-то чужом теле. Ты не заметил, что я обменялась? Что с тобой вообще?

Первое, что я подумал: нет, это не смешно. Второе: нет, не может быть. Третье...

– Тamar?

– Ну а кто? – ответила она. – Я была у тебя, а через секунду оказалась в какой-то запертой темной комнате, с запертыми окнами и опущенными жалюзи. Несколько секунд я вообще не понимала, что к чему.

– Ты знаешь, где ты?

– Да. В Иерусалиме.

– У тебя был приступ и ты обменялась с кем-то, кто находился в Иерусалиме?

– Да. Как-то слишком близко, я понимаю. Можно обменяться с человеком в любой точке мира, а ты вдруг оказываешься всего в часе езды от того места, где был, – сказала она. – А ты что, не обратил внимание, что на моем месте вдруг оказался кто-то другой?

– Видишь ли, дело несколько сложнее...

– Скажи мне, – вдруг произнесла она голосом, полным надежды, – может так сложиться, что она согласится остаться в теле Ламонт вместо меня? Я пыталась поменяться обратно через браслет, и, естественно, у меня не получилось, но потом я подумала: эй, это уже половина решения. Может, есть кто-нибудь, кто захочет остаться в ней, быть знаменитой или богатой. Даже после того, как они обновили контракт, в случае развода ей все равно остается немало денег. Может, кто-нибудь сможет остаться в теле Ламонт, а я буду дальше жить в этом? Просто я посмотрела в зеркало, и это прям клево.

– Тамар...

– Лучше бы, конечно, снова вернуться в мое тело. Оно должно быть мое, но надо уметь соглашаться на компромиссы, и, может...

– Тамар, в тело Ламонт стреляли. Видимо, сразу после приступа. Женщина, с которой ты обменялась, мертва.

На том конце провода воцарилась тишина.

Пьянчуга, который сидел за стойкой рядом, уставился на меня. Наверное, надо говорить потише.

– Ламонт мертва? – спросила она ровным голосом.

– Нет. Не Ламонт, – ответил я. – А та, кто была в теле Ламонт. Женщина, с которой ты обменялась, когда произошел приступ. Наверное.

– Наверное?

– Послушай, биться об заклад я не готов. Еще несколько минут назад я был уверен, что убили тебя.

Пьянчуга снова посмотрел на меня, а потом на свой браслет.

– То есть теперь я никогда не смогу вернуться в свое тело, – пробормотала Тамар.

– Потом поговорим о твоём теле. О'кей?

– Конечно, все думают, что Ламонт умерла. Теперь никто не поверит, что они оставили меня в её теле.

– Все ещё сложнее. Послушай...

– Все пропало, – сказала она каким-то затуманившимся голосом. – Теперь я навсегда в теле этой...

– Не пропало.

«Нельзя, чтобы они узнали, что ты ещё жива», – подумал я.

– Что ты имеешь в виду? Ведь...

– Я не могу сейчас говорить об этом. Скажи мне, где ты.

– Зачем?

– Просто скажи мне, где ты.

Она молчала. И потом:

– Они хотели убить меня?

Ты всегда быстро соображала.

– Может быть, – ответил я.

– А ты приедешь, чтобы защитить меня? – Вдруг ее голос зазвучал кокетливо.

– А что, у меня есть еще какие-то причины ехать в Иерусалим ради женщины, которая замужем за кем-то другим? – спросил я, пытаюсь и сам изобразить кокетство.

– О'кей, – сказала она. – Это не я замужем, а Ламонт, придурок. Когда случился приступ и мы обменялись, я оказалась в каком-то университетском кабинете. Но оттуда я уже ушла. Я уже далеко оттуда, честно говоря. Записывай адрес.

Записал.

– Все, я уже еду.

– Бай, – ответила она и положила трубку.

Отчасти я был разочарован, что она не потеряла хладнокровия. Я бы хотел утешать и поддерживать. Не переживай, все будет хорошо, мы что-нибудь придумаем. Но ей это оказалось не нужно. Трудно выглядеть героем рядом с сильной женщиной.

Я помахал рукой бармену:

– Счет!

– Уже уходишь? – услышал я рядом глумливый голос. Это был пьянчуга. Он смотрел на меня с горькой улыбкой, но говорил четко и относительно трезво.

– Да, видишь ли. Пора, – сказал я.

– Куда? – Он наклонился ко мне. – Куда ты так быстро? Давай посидим, выпьешь еще что-нибудь. Я приглашаю.

– Извини, мне и правда нужно бежать, – сказал я. Бармен положил счет на стойку. Я вытащил кошелек и стал искать в нем подходящую купюру.

– Вечно все бегут. Все время пытаются что-нибудь добыть. А следующее в их жизни важное событие всегда ждет за углом. Люди просто не умеют довольствоваться тем, что есть. – Пьянчуга ударился в лирику. – И по дороге не обходится без происшествий. А знаешь, чем все заканчивается?

– Нет, – сказал я нетерпеливо, кладя кошелек в карман. – И чем же все заканчивается?

– А тем, что кто-нибудь оказывается хитрее. Они понимают, что не надо было никуда бежать, ведь можно было остаться дома – и все-е-е-е было бы хорошо. Отлично просто было бы.

– Увлекательно, – ответил я и пошел по направлению к выходу, но пьянчуга схватил меня за рубашку, когда я проходил мимо.

Он нагнулся прямо ко мне, дыхнул перегаром:

– Не беги. Оставайся. Иначе совершишь большую ошибку. Такую, о которой будешь жалеть еще долго. И ты знаешь, что я имею в виду. Ты и сам в глубине души знаешь, что лучше развернуться и поехать обратно. Эта ночь тебе не сулит ничего доброго. Иди домой.

Я посмотрел ему в глаза. Кто оттуда вещает?
Сбросил его руку со своего плеча и вышел.

8

В такое время трудно поймать такси. Особенно чтобы уехать в Иерусалим. Диспетчер на станции, куда я позвонил, оказался не готов к моему заказу. Что? Серьезно? Иерусалим? Сейчас? Ночной тариф, верно?

Не объяснять же ему, что варианта «обменяться» для меня не существует.

Наконец такси приехало. Когда я открыл заднюю дверь и сел, водитель оглянулся на меня, пытаюсь понять, из разговорчивых ли я. Нет. Через пару минут после начала поездки я уже сделал вид, что сплю.

И вот какое дело: сейчас я должен был бы наводить порядок в своих мыслях, но заметил, что вместо этого навожу порядок в своих воспоминаниях.

Первый последний раз, когда я видел Тamar, был приятнее второго. Мы были такой парой: стеснительный мальчик, который не знает, надолго ли еще задержится в этом районе, и энергичная девочка с тонкой улыбкой, которая не думала больше чем на пять минут вперед. В этом возрасте люди видят вас, когда вы сидите и молча едите вместе мороженое, и думают, что вы такие милые: посмотрите, как они стесня-

ются взглянуть друг другу в глаза, смотрите, как они не знают, далеко ли друг от друга садиться. Многим кажется, что в этом возрасте политика любви очень простая. Но это не так. Бабочки в животе ровно такие же, только живот у вас не такой толстый, поэтому, когда они там машут крылышками, вы дрожите больше.

Это была обычная встреча. В этом возрасте – одиннадцать-двенадцать лет – дети не могут поехать в Нью-Йорк, повинаясь минутному порыву. Они идут в торговый центр поесть пиццу или мороженое, сидят на ступеньках и разговаривают ни о чем, но с важным выражением лица, идут в кино и думают, можно ли положить руку на подлокотник между креслами, так, чтобы она касалась ее руки – и в то же время не касалась, – а если можно, то как. Это волнительно, это пугает, это ново, но с точки зрения процедуры это действительно прекрасно продумано.

С другой стороны, это была необычная встреча. Потому что мы почувствовали, что разные концы спектра, на которых мы находились, как-то сблизилась: мы ели мороженое в каком-то медленном и мягком ритме, а в темном кинотеатре на фильме, ужаснее которого я в жизни не видел, мизинец моей правой руки явно касался мизинца ее левой руки на протяжении всего фильма и никто из нас не убирал руку.

Потому этот вечер закончился лучше, чем я мог бы себе представить.

Мы познакомились в школе. Ничего особенного. Простая

детская вспышка симпатии, которая оказалась чем-то большим, чем предполагалось вначале. Как травинка, которая пробивается через растрескавшийся асфальт. Сам факт, что она смогла прорасти, уже удивителен. Никто не оценивает силу маленьких травинок по достоинству.

Противоположности не всегда притягиваются, но они интересуют друг друга и часто выясняют, что они, оказывается, гораздо ближе, чем думали. Итак, на той самой перемене, когда я сидел с друзьями на ступеньках возле баскетбольной площадки и смотрел на то, как играют старшеклассники, Тамар прошла мимо нас, одна, — как раз тогда, когда я пытался рассмешить друзей тем, как я передразниваю других.

Все хотят быть особенными, отличаться и в то же время принадлежать к группе и быть как все, просто я старался сильнее, чем все остальные. Еще до того, как я узнал, что не могу обмениваться, еще до того, как я понял, что целый мир скрыт за занавеской, которую мне никогда не отдернуть, я тратил множество усилий, чтобы получить крохи внимания и симпатии от переменчивого и многоликого существа, которое называется «все».

Проходя мимо, Тамар, беззаботная рассеянная девочка с веснушками, застала меня в момент творческого пика. Как стендап-комик, который понимает, что аудитория уже его, я исполнял свои номера один за другим, меняя голос, пластику, изображая то знаменитых людей, то учителей, то вожатых, то родителей одноклассников. Не стесняясь, с полной

самоотдачей. Все можно, когда борешься за внимание и любовь публики.

Она прошла и остановилась, посмотрела на нас, а когда прозвенел звонок на урок, она улыбнулась мне и сказала: «А ты смешной».

Как известно, быть смешным – это лучший первый шаг к сердцу женщины.

Неделю спустя она присела рядом со мной на скамейку в парке, где я читал книгу, чтобы скоротать два часа между окончанием уроков и возвращением отца домой. Мы заговорили. Деревья вокруг нас источали сладковатый запах, который я помню до сих пор, и я впервые услышал, как Тамар смеется.

Как-то так получилось, что мы подружились. Я пытался вести ее своей дорогой, а она старалась утащить меня в открытое море. Мы делали уроки, сплетничали на переменах, болтали в походах, а через некоторое время даже стали ходить в кино, одни в темноте смотрели фильмы. Сегодняшним детям не понять.

Но после того самого фильма мы больше не встречались. Наши мизинцы соприкоснулись в первый и последний раз, как выяснилось. Папа сказал мне, что мы уезжаем, и я не удивился. Это назревало уже несколько недель. Мы перемещались из комнаты в комнату не так, как раньше, не так обычно и расслабленно, как люди ходят у себя дома. Чувствовалось, что стены уже временные.

Я тогда не ходил в школу. Даже попрощаться как следует у нас не получилось. Мы только созвонились пару раз. Так что, уезжаете, да, как выяснилось, ну, будем на связи, наверное, нет, нельзя, нам нужно на некоторое время исчезнуть, но потом мы встретимся, да, конечно, потом встретимся.

Второй последний раз, когда мы увиделись, был менее приятным. Это было в конце нашего второго романа, к тому моменту мы встречались почти два года, за несколько месяцев до того, как мне исполнилось двадцать. Наше «вместе» было еще шатким. Бетон, из которого мы пытались себя построить, еще не засох, и то и дело происходило что-то, что заставляло нас усомниться в самых основных вещах. Я говорю во множественном числе, но на самом деле, видимо, это происходило только со мной. С годами я отредактировал воспоминания, чтобы чувствовать то, что, как мне казалось, я должен чувствовать. Когда я понял, что искажаю их больше, чем мое внутреннее чувство справедливости может вынести, я просто вытеснил Тамар на задворки мозга, на периферию памяти, убеждая себя, что любовь к ней была ошибкой, которую я должен был давно преодолеть.

Будет правильным сказать, что я был влюблен в Тамар больше, чем в какую бы то ни было другую девушку, но только потом, потому что до нее не было никакой другой девушки. Я был влюблен, а она позволяла мне любить ее. Так всегда бывает, даже у самых прекрасных пар: один больше любит, чем позволяет, а другой больше позволяет, чем любит,

и в некоторых парах люди постоянно меняются ролями.

Иногда и она посылала мне сигналы, которые можно было принять за проявления любви. Но большую часть времени я только питал надежды. Я не уходил, ведь вот-вот эти отношения перейдут на серьезный уровень, и она действительно приходила, обнимала, отвечала на мои поцелуи. После нее я любил еще нескольких девушек и женщин, у меня были более серьезные и глубокие отношения с женщинами, которые говорили на моем языке лучше ее, но именно в ней я замечал ту силу, которая заставляет нас отдаться другому человеку полностью, в минуты слабости я называл это любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.